



АНДРЕЙ ЛИВАДНЫЙ



АВТОНОМНЫЙ РЕЖИМ

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

**Отделившийся. Книга
2. Автономный режим**

«Автор»

2011

Ливадный А. Л.

Отделившийся. Книга 2. Автономный режим / А. Л. Ливадный — «Автор», 2011 — (Экспансия: История Галактики)

ISBN 978-5-699-53282-7

Давно окончилась Первая Галактическая война, но мира в Галактике нет по-прежнему. Жаждающие завладеть технологией и вооружением человеческой цивилизации, Дикие Семьи инсектов не останавливаются ни перед чем... Когда инсекты напали на родную планету Ильи, один из защищавших ее военных андроидов посоветовал мальчику уйти в лес, пообещав разыскать его, как только нападение врага будет отбито. Но дни шли за днями, теплое лето постепенно сменялось холодной осенью, а за Ильей так никто и не приходил. Голод, жажда и подступающая болезнь вынудили мальчика покинуть лес и приблизиться к родному городу, который изменился до неузнаваемости. Сразу же стало ясно, что андроиды проиграли битву, люди погибли, а инсекты безнаказанно правят планетой... До поры до времени – безнаказанно. Ведь в небе над нею уже появился модифицированный «Стилетто», управляемый боевым мнемоником Ральфом Дугласом. Мог ли Дуглас знать, что, спасая мальчишку, он решает судьбу всей Галактики? Страница автора в Интернете: www.livadnyy.ru

ISBN 978-5-699-53282-7

© Ливадный А. Л., 2011

© Автор, 2011

Содержание

| | |
|---|----|
| Пролог | 5 |
| Глава 1 | 11 |
| Звездное скопление О'Хара. 3871 год Галактического календаря... | 11 |
| Глава 2 | 33 |
| 3871 год Галактического календаря. Планета Элио. | 33 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 42 |

Андрей Ливадный

Автономный режим

Пролог

Для кого-то дождь – просто шум за окном, капли, бегущие по стеклу.

Илья поежился. Спрятаться негде. Осень уже на излете, с деревьев облетела листва, холодный ветер пробирает до костей, вокруг – лишь стылая хмарь непогоды, только вдалеке, за хлещущими по раскисшей земле струями дождя, смутно проглядывает зарево городских огней.

Он с трудом встал. Губы дрожали от холода.

«Туда нельзя. Схватят», – промелькнула мысль.

Он прислонился к морщинистой коре дерева, поднял воротник потрепанной куртки, но одежда промокла, холод лип к телу, было так горько, обидно, беспомощно, что вся прошлая жизнь, с ее небольшими радостями и невзгодами, казалась сейчас доброй сказкой, утраченной навсегда.

Вообще-то, выживать, полагаясь лишь на себя, Илье приходилось постоянно. Родителей он помнил смутно, а когда думал о них, то лишь обрывочные, выцветшие и нечеткие образы появлялись в сознании.

Люди на его коротком жизненном пути попадались разные. В основном – равнодушные, занятые собственными делами, но Илья и не стремился привлечь внимание взрослых: он рос замкнутым, молчаливым, инстинктивно сторонился суеты обжитых кварталов города, и только теперь, оставшись совершенно один, мальчик впервые почувствовал глухую, гложущую изнутри тоску.

Та жизнь исчезла навсегда, истаяла миражами знойного лета, а затем ее смыли проливные дожди холодной осени.

После того как город захватили чужие, он опустел, превратился в безжизненный призрак, лишь ночные огни по-прежнему освещали неузнаваемо изменившиеся здания и улицы да сервы из коммунальной службы продолжали трудиться – этим механическим созданиям вообще наплевать на то, что происходит вокруг.

Лето Илья прожил в лесу, питаясь плодами деревьев, ягодами кустарников, особо не бедствуя, но осенью все изменилось к худшему, и вот теперь, когда дыхание приближающейся зимы к утру подергивало лужи коркой ломкого льда, стало совсем невмоготу.

Лес почернел, облетели листья, трава пожухла, запасы, собранные Ильей, уже закончились, а «дом», которым он гордился, не выдержал проливных дождей.

От промозглой сырости и пронизывающего ветра не спасала ни одежда, ни убежище, неумело сооруженное из веток.

Отчаяние окончательно овладело им. Холод сменился неприятным ознобом, затем Илью вдруг бросило в жар, тело обдало липкой испариной.

Наверное, простыл... Нужно выбираться из леса... Но куда идти?..

Вспышечное воспоминание вдруг вырвалось из глубин памяти, подсказало ответ, неожиданно придало сил, ненадолго приглушило гложущее чувство безысходности.

«Фермы! – подумал Илья. – Вот бы попасть туда!..» Летом, убегая из города, он видел, что не все постройки, разбросанные среди полей и перелесков, охвачены пожаром.

«И правда, не все же они сгорели!..» – Надежда, теплящаяся в душе, помогла собраться с силами, одолеть слабость и лихорадочный озноб, сделать первый шаг. Он представлял небольшое: крышу над головой, возможность выспаться в сухой постели, найти какую-то еду – предел мечтаний для измученного невзгодами десятилетнего мальчика.

Ноги скользили в грязи. Илья шел медленно. Лес молчаливо расступался перед ним узким пространством старой противопожарной вырубki.

«Фермы. Как же я раньше о них не подумал?!» В прошлом Илью туда не пускали, но он все равно умудрялся пробраться на поля, где выращивали настоящие, не синтезированные продукты. Похожие на людей сервы несколько раз ловили его, но не били – они проявляли вежливую настойчивость, просто выдворяя мальчишку за границы частных владений.

Что такое «частное владение», он не знал, а андройды на вопрос отвечали слишком мудро. Илья и половины их слов не понимал.

Жить в городе было намного проще. Заброшенных кварталов – хоть отбавляй, большинство зданий пустовало, но сервы все равно обслуживали их. Обычно в незанятых квартирах все предметы покрывал толстый слой пыли, бытовая техника не работала, но Илья знал секрет: нужно переночевать в пустующем помещении, и к утру обязательно начинал работать синтезатор пищи, а в шипящих накануне кранах появлялась вода.

Он рос, как трава в поле. Никто не занимался его воспитанием, не заботился об осиротевшем мальчишке. Сознание Ильи дремало, круг жизненных интересов ограничивался минимальными ежедневными потребностями в пище, от скуки серого существования он спасался, совершая рискованные вылазки: то поднимался к заоблачным вершинам старых, порядком обветшавших небоскребов, то углублялся в сумеречные недра Цоколя¹, попадая в мир сервов.

Неизвестно, кем бы он стал, как сложилась бы дальнейшая жизнь, но привычный мир исчез одним солнечным летним утром, когда над городом внезапно появились космические корабли иной расы.

Не встречая сопротивления, они вошли в атмосферу планеты, воцарились в небесах, пугая своими размерами и необычной формой.

Первыми беспокойство проявили человекоподобные машины.

Люди лишь высыпали на улицы, с удивлением разглядывая огромные космические корабли, а андройды, обычно редко появляющиеся в городе, уже стекались со всех сторон, двигаясь из предместий в сторону технических входов в Цоколь.

Илья в то утро проснулся от гула и вибраций. Прочные оконные стекла сначала мелко дребезжали, затем вдруг лопнули, рассыпаясь тусклым крошевом гранул.

Не испуганный, но озадаченный необычным явлением, он подошел к окну. Порыв прохладного ветра тут же изгнал остатки сна, взгляд скользнул по небу, ориентируясь на источник звука, и внезапный холодок недоброго интуитивного предчувствия проскользнул мурашками вдоль спины.

Откуда отстающему в развитии десятилетнему мальчику знать, что такое «космический корабль», да и вообще, почему острое чувство опасности мгновенно захлестнуло его при виде исполинов, по форме похожих на трехпалые кисти рук?

«Инсекты...» – проскользнула догадка, и тут же внутренний голос панически шепнул: «Беги, спасайся!»

Илья действительно был напуган. Внутреннему голосу он вполне доверял. Иногда, особенно при рискованных вылазках в глубины цокольного этажа, он попадал в опасные ситуации, и обжигающий шепот рассудка частенько выручал его, давая дельные советы.

В сознании мальчишки явно скрывалась какая-то тайна. Он никогда не испытывал затруднений при использовании элементарной бытовой техники, хотя никто не объяснял ему базовых принципов управления, обладал не свойственным другим людям «сумеречным зрением», что позволяло ориентироваться в глубинах технического этажа, у него не вызывали

¹ Цоколь – технический этаж города, фундамент мегаполиса и одновременно – первичное герметичное убежище. Обычно возводился машинами недалеко от места посадки колониального транспорта.

страха или стойкой неприязни снующие повсюду, живущие своей жизнью кибернетические механизмы.

Тем роковым утром, прислушавшись к совету, исходящему из глубин подсознания, он не медлил. Черные корабли маневрировали над городом, один из них внезапно задел высотное здание, над кварталом раскатился оглушительный громopodobный звук, небоскреб не устоял, верхние этажи обрушились, клубы едкой белесой пыли выметнуло в небеса, а корабль пришельцев лишился изрядной части брони. В его борту теперь зияла пробоина, из которой вдруг вырвались языки пламени.

Илья не стал дожидаться, пока тот рухнет, похоронив под собой весь квартал. Он уже находился на лестнице и несся вниз, перепрыгивая через ступеньки.

На улице все заволочло едкой пылью, ее клубы продавливались между зданиями, заполняли перекресток. Он закашлялся, задержал дыхание и юркнул за угол, в глубину двора, где располагался один из множества технических входов в Цоколь. Вертикальный колодец был оснащен пластиковыми скобами, и он, не раздумывая, начал спускаться вниз, как делал это не раз.

Стены дрожали.

Инстинкт самосохранения гнал Илью все глубже, из вертикальной шахты он попал в наклонный тоннель, оттуда в огромный зал, достаточно хорошо изученный, чтобы быстро сориентироваться.

Он много раз бывал тут, точно знал, какие тоннели ведут к нижним уровням – там находились теплые бассейны с водой и множество запертых дверей, маркированных непонятными знаками, – а какие уводят в темные, гулкие залы, где без дела ветшали огромные механизмы.

«Куда бежать?»

На этот раз внезапно возникшую дилемму помогли решить андройды.

Илья недолюбливал человекоподобных созданий, ведь они не раз выдворяли его за пределы «частных территорий», но сегодня, увидев вооруженных андроидов, появившихся из недр еще не изученных им тоннелей, мальчик бросился к сервам, зная, что те обязательно ответят на заданный вопрос.

– Что мне делать? – испуганно спросил Илья.

Один из дроидов остановился, взглянул на перепуганного мальчишку и ответил:

– Уходите из города, сэр. Скройте в лесу. Колония подверглась нападению со стороны чуждых жизненных форм. Мы отыщем вас, когда опасность минует.

– Идти-то куда? – опешил Илья.

Андроид указал на один из тоннелей:

– Главные технические ворота Цоколя открыты. Спешите, сэр, экстренная герметизация первичного колониального убежища произойдет через семь минут.

Большого Илье и не требовалось. Путь к спасению, указанный человекоподобной машиной, вполне согласовывался с его жизненным опытом.

Тоннель действительно вел к огромным распахнутым воротам. В предместьях пылали агротехнические фермы, чужие корабли по-прежнему царили в небесах, теперь они вели непрерывный огонь в сторону городских кварталов, где виднелись фигурки человекоподобных машин, перебегающих от укрытия к укрытию по краю периметра первого городского уровня.

Илья ничего не понимал в происходящем. Он был напуган и без колебаний воспользовался полученным советом.

Царство природы мальчику не очень-то нравилось. Лес казался пугающим, враждебным. Деревья, высаженные ровными рядами, смыкались над головой густыми кронами, под ними беспорядочно разросся колючий кустарник. Продираться через заросли было нелегко, кусты царапались, ветки то и дело больно хлестали по лицу.

Выбравшись на небольшую прогалину, мальчик присел, тяжело дыша. Он понятия не имел, кто такие «инсекты», откуда вообще взялось в голове это странное слово, но оно внушало подсознательный ужас, порождало нечеткие, жутковатые образы.

«Дальше идти не стоит», – подумал Илья, прислушиваясь к далеким отзвукам боя.

Ему оставалось лишь надеяться, что андройды справятся с проблемой и, как обещали, придут за ним, отыщут эту небольшую полянку, где ему предстояло начать новую жизнь, постепенно привыкая к окружению дикой природы.

* * *

Прошло несколько недель, но со стороны города так никто и не появился.

Пару раз, преодолевая страх, Илья совершал вылазки на опушку леса, откуда в погожие дни отчетливо просматривалась уступчатая громада мегаполиса.

Город менялся постепенно.

В первый раз он заметил лишь странные черные образования, которые, словно побеги невиданных растений, ползли по фасадам зданий, пластались по стенам Цоколя, изгибались, пытаясь проникнуть внутрь.

Андройды продолжали борьбу с захватчиками. Затаившись на границе кустарника, Илья видел, как в наклонной стене городских укреплений вдруг открылось несколько люков, расположенных на разной высоте, и из недр сумеречных тоннелей по чуждой растительности ударили струи пламени.

Черные побеги корчились, пузырились, стекая по стенам быстро твердеющими потеками. В ответ на внезапное нападение в небе появился один из огромных космических кораблей – он поднялся над городом, затем постепенно начал снижаться.

Тонкие лучи периодически били из его надстроек, оставляя дымящиеся полосы на стенах Цоколя, выжигали люки, несколько раз из недр технического этажа появлялись человекоподобные машины, пытаясь атаковать чужой корабль.

Илья долго наблюдал за схваткой, его завораживало зрелище боевых действий, он всей душой переживал за андроидов, но те явно уступали захватчикам. Через некоторое время мальчик заметил далекие, едва различимые фигурки существ, лишь в общих чертах похожих на людей. Они ловко карабкались по черным «лианам» и вскоре добрались до выжженных люков, окруженных языками копоти.

Чужие не сразу ворвались внутрь Цоколя. Они встретили ожесточенное сопротивление. Мальчик видел, как из тьмы тоннелей бьют пульсирующие язычки пламени, сухой треск выстрелов долетал до его слуха, фигурки насекомых падали, срывались вниз, но им на смену прибывали все новые и новые отряды захватчиков, затем бой постепенно переместился в глубины технического этажа.

Илья до рези в глазах всматривался в очертания города, но видел лишь многочисленные дымы, затем земля несколько раз ощутимо вздрогнула, и все окончательно стихло, лишь огромный космический корабль чужих, издавая глухой рокочущий звук, медленно поднимался в лазурную высь небес.

* * *

Во второй раз он решился на вылазку уже ближе к осени.

Зрелище, представшее взгляду, испугало Илью до дрожи.

Черные побеги захватили весь город, они сомкнулись между собой, формируя совершенно чуждую архитектуру, почти все здания поглотила непонятная пирамидальная конструкция.

Темные, едва различимые фигурки чужих существ теперь сновали повсюду, они что-то делали, ползая по наклонным стенам своего сооружения, и Илья в тот день понял: никто не придет за ним.

Он начал готовиться к наступлению зимы, но заранее проиграл предстоящую схватку с природой. Илья не умел выживать вне города. Уже первые дожди убедительно показали мальчику, сколь незавидна его участь.

И вот теперь, доведенный до полного отчаяния, промокший и простуженный, он брел по старой вырубке в направлении дороги, ведущей к неузнаваемо изменившемуся мегаполису.

Сознание мальчика пребывало в сумеречном бреду. Высокая температура, озноб и усталость стирали остроту восприятия, вокруг мерещились жуткие тени, и лишь один образ оставался четким. Он постоянно представлял приземистые постройки агротехнических ферм, окруженные бескрайними возделанными полями. Илья отчаянно надеялся, что хоть одно из зданий, расположенных за чертой города, уцелело, и там он найдет временное пристанище, крышу над головой, а дальше...

Дальше царил полная неопределенность.

Строить планы на будущее не было сил. Илья мечтал лишь об одном – укрыться от дождя и холода, выспаться, что-нибудь поесть.

Ему казалось, что прошла целая вечность, прежде чем он сумел выбраться на дорогу.

Почувствовав под ногами надежное стеклобетонное покрытие, мальчик немного приободрился. Постоянные усилия окончательно ослабили его, но мокрая одежда уже не прилипла к телу, а куртка курилась завитками пара.

Город приближался очень медленно. Илья брел по дороге, утратив чувство времени, пошатываясь, часто останавливаясь, чтобы перевести дыхание.

Дождь прекратился, сквозь рваные тучи неожиданно проглянуло солнце, и в его лучах мальчик заметил несколько одноэтажных построек, расположенных за раскисшими неубранными полями.

Илья, не раздумывая, повернул к ним.

Идти стало еще тяжелее. Напитанная влагой почва превратилась в липкую грязь, стебли почерневших растений путались в ногах, он часто спотыкался, падал, но снова вставал и шел.

Его упорству можно было только удивляться.

Грязь бескрайних полей испачкала одежду, лицо и руки, ее комья, налипшие на ботинки, ощущались непомерным грузом, словно невидимые руки земли хватали его, пытаясь удержать. Предел морального и физического изнеможения давно наступил, но мокрые от дождя постройки, чьи крыши призывно поблескивали в скупых лучах неласкового осеннего солнца, постепенно приближались.

Едва живой он все же добрался до них.

Одноэтажные здания образовывали замкнутый периметр. Следы разрушений и пожара виднелись повсюду. Сгоревшие сельскохозяйственные машины высились на внутреннем дворе. Вокруг пробоин в корпусах механизмов виднелись языки копоти, местами металлические детали уже тронула ржавчина.

Все это воспринималось Ильей как бесконечная декорация. Он бредил, уже не помня, зачем пришел сюда.

Проломы в стенах зданий. Дыры в крышах. Обломки солнечных батарей под ногами, лужи воды, давно разложившиеся трупы животных. Жуткие иллюстрации к чувству непоправимой беды, ощущению глобального одиночества.

Губы потрескались от жажды. Хотелось лечь и больше не вставать. Доползти до лужи воды и пить, но что-то, живущее внутри, не давало совершить роковых поступков.

Горячий шепот требовал: «Иди!»

Куда? Илья остановился. Тусклый, теряющий осознанное выражение взгляд мальчика обежал постройки.

Дверь. Почему именно ее он инстинктивно выделил на общем фоне? Откуда возникла уверенность, что там, за ней, он найдет спасительное убежище?

Следующим осознанным впечатлением стала спартанская обстановка небольшого помещения. Здесь уже давно никто не жил, но андрюиды содержали комнату в чистоте... пока сами не сгнули.

Оставляя мокрые следы на полу, Илья, придерживаясь рукой за стену, добрался до кресла, установленного перед комплексом непонятной ему аппаратуры, в изнеможении сел.

Лицо пылало. Ноги гудели от усталости, по мышцам гулял озноб.

Надежды, стремления, страхи – все истончалось, таяло. Полное безразличие овладело им. Он больше не мог сопротивляться, и рассудок начал проваливаться в сладкие, несущие абсолютный покой объятия беспомощности.

Лишь в глубинах его подсознания продолжала биться отчаянная мольба: *помогите...*

Глава 1

Звездное скопление О'Хара. 3871 год Галактического календаря...

Ральф Дуглас был мнемоником в первом поколении.

Его «Стилетто» в конфигурации «тень» стартовал из системы Элио, ушел в гиперсферу и сейчас, не покидая пространственно-временной аномалии, двигался маршрутом патрулирования по окраине звездного скопления О'Хара.

Обитаемая Галактика балансировала на пороге войны, но об этом знали немногие. Мир стал хрупок, а каждый новый вылет – все более напряженным, изматывающим.

В кабине «Стилетто» царил мрак. Боевая техника за последние десятилетия радикально изменилась. Рубка многофункциональной машины больше не напоминала традиционный пост управления. Отсек имел собственное бронирование, систему жизнеобеспечения, накопитель энергии и гиперпривод.

Майор Дуглас, облаченный в бронескафандр, полулежал в кресле пилот-ложемента. Обзорные экраны не работали, лишь редкие индикационные сигналы тлели во мраке, отмечая местоположение блоков кибернетических систем, которые объединял в бортовую сеть разум боевого мнемоника.

«Стилетто» обладал сокрушительной мощностью. В зависимости от конфигурации оборудования он мог выполнять различные задачи, от длительного автономного поиска в условиях неисследованного космоса до уничтожения укрепленных планетных баз или молниеносных атак на крупные соединения кораблей противника, но вне контакта с разумом человека уникальная машина была мертва и никчемна. Каждый раз, занимая кресло пилот-ложемента, Ральф Дуглас формировал локальную сеть, его мозг принимал функции ядра кибернетической системы, сознание объединяло сотни узлов и механизмов в единое целое. Такой подход стал последним рубежом защиты современной техники от ее использования «кем попало», в том числе и представителями иных цивилизаций.

Но путь, который пришлось пройти, прежде чем появление мнемоников поставило точку в безраздельном господстве машин над своими создателями, был долг и тернист.

Давно не секрет, что человеческий мозг является уникальным нейронным компьютером, наши способности к восприятию и обработке информации намного превосходят возможности искусственно созданных вычислительных устройств, но потенциал биологической нейронной системы, отшлифованной, доведенной до абсолюта миллиардами лет эволюции, не востребован, – в повседневной жизни мы используем едва ли пятнадцать-двадцать процентов от дарованных природой возможностей.

Однако попытки раскрыть дремлющий потенциал человеческого мозга не прекращались на протяжении тысячелетий.

Первые опыты в области мнмотехники проводились еще на Земле, в далекую эпоху, предшествующую Великому Исходу.

Обязательная имплантация всех граждан Земного Альянса², интеграция сознания каждого человека в общую информационную среду цивилизации, создание первых мнемонических интерфейсов управления машинами привели к возникновению технологии прямого ней-

² Перед Великим Исходом в Земной Альянс входили колонии Луны и Марса. Позже были присоединены колонии лун Юпитера и система Новой Земли.

росенсорного контакта, сначала с использованием кабельного соединения, затем при помощи средств беспроводной связи.

После Первой Галактической войны технология долгое время не получала дальнейшего развития. Стандартные импланты, разрешенные к применению, оснащались урезанной версией модуля распознавания мысленных команд.

Сменялись поколения. Источались страхи и фобии. Жестокий опыт войны постепенно превратился в предмет исследования, а глубины стопроцентного нейросенсорного контакта между человеком и машиной уже не казались бездной, растворяющей человеческий разум.

Прогресс не остановить.

Исследования человеческого мозга продолжились, в свободной продаже появились различные, порой весьма специфические «модули расширения сознания».

Генная инженерия постепенно выходила из тени, во многих населенных мирах клонирование в сочетании с евгеническими программами приобрело статус официальной демографической политики, а на некоторых планетах печально известный мыслесканер Джедиана Ланге использовался в правосудии.

Каждое из упомянутых явлений по отдельности вроде бы не несло глобальной угрозы, но опасность скрывалась в синтезе технологий, обобщении накопленных знаний на стыке генной инженерии и мнемотехники.

Результатом стало создание «генератора нейронных импульсов» – компактного имплантируемого устройства, способного преобразовывать машинный код в команды, распознаваемые человеческим мозгом. В сочетании с технологией клонирования и успехами генной инженерии использование генератора позволило приступить к конструированию биологических роботов.

Бесконтрольное развитие ситуации привело к тяжелым последствиям. Биороботы оказались не столь надежны, как утверждали их производители, да и отношение людей к живым «игрушкам» пестрело рецидивами различного толка. Знаменитое восстание биологических машин на планете Флиред³ привело к запрету технологии, но решения Совета Безопасности Миров были проигнорированы: в Обитаемой Галактике нашлись звездные системы, где по-прежнему процветали запрещенные производства и связанный с ними черный рынок биологических машин.

В ход событий вмешались военно-космические силы первой Конфедерации Солнц.

После зачистки планеты Зороастра и краха корпорации «Галактические Киберсистемы» производство биороботов прекратилось, а опыты в области мнемотехники, направленные на создание новых устройств «расширения сознания», оказались под строгим запретом.

Существовало мнение: дальнейшее развитие технологий имплантации – это опасный шаг за черту, в перспективе ведущий к потере человеческой сущности.

«Лучшее – враг хорошего» – древнюю поговорку использовали сторонники сохранения «допустимого уровня имплантации», и отчасти они были правы, ведь к началу тридцать восьмого века конструкция стандартных расширителей сознания, доведенная до технического совершенства, позволяла человеку соединяться с сетью, манипулировать бытовой составляющей техносферы, погружаться в «виртуалку», не претерпевая при этом критических деформаций психики.

Однако всегда найдутся силы, игнорирующие запреты.

Некоторые корпорации Окраины, независимо друг от друга, продолжили эксперименты в области мнемотехники и избыточного имплантации.

Негласная гонка технологий привела к возникновению двух сил, изначально противопоставленных друг другу. Первыми в секторах Окраины появились кибрайкеры – избы-

³ Подробнее в романе «Роза для киборга».

точно имплантированные люди, презиравшие само понятие «закон». Мнемотехникам корпораций удалось раскрыть дремлющий потенциал человеческого мозга – благодаря избыточным имплантам и нейроструктурам, сформированным на стыке живого с неживым, кибрайкеры легко проникали в сеть Интерстар без поддержки дополнительного оборудования. Используя лишь собственный разум как мощнейшее вычислительное устройство, они взламывали самые надежные программы защиты, легко манипулировали удаленными сетевыми ресурсами, занимались промышленным шпионажем, на некоторое время став настоящим бичом общечеловеческого информационного пространства.

Вызов, которому подверглась не только Конфедерация, но и многие корпорации, не остался безответным. В противовес кибрайкерам появились мнемоники, отличающиеся от своих антиподов лишь иной психологической установкой – они защищали информацию, а не крали ее.

Глобальная сеть Интерстар, виртуальные вселенные Логриса, системы обороны планет, автоматика космических кораблей, миллиардные армии кибермеханизмов, без адекватной работы которых невозможно существование современных мегаполисов, – все оказалось под угрозой.

Еще один шаг за черту был сделан.

По сути, он был неизбежен, ведь к тридцать восьмому веку уровень повсеместно используемых технологий поднялся на новую ступень, шагнул за предел понимания большинства людей. Техносфера стремительно обновлялась, она предъявляла все новые и новые требования к человечеству, ее создавшему.

Существовало два варианта развития событий.

Первый подразумевал признание людьми предела своих возможностей. При таком сценарии жители сотен населенных миров окончательно превращались в пользователей, позволяя машинам взять на себя все заботы о хлебе насущном, перепоручить им поиск и преобразование новых планет, планирование, строительство городов, развитие новых, еще более продвинутых технологий.

Многие понимали, сколь хрупок, опасен и ненадежен такой путь. Однажды искусственные интеллекты уже стали самостоятельной силой, и ничего хорошего из этого не вышло.

Второй путь в глазах обычных граждан выглядел еще более зловещим. Следовало принять зародившиеся на планетах Окраины технологии, начать контролируемый виток искусственной эволюции, вывести из-под запрета достижения ученых Зороастры, позволяющие закреплять полезные генетические изменения (такие, как новые структуры мозга, формирующиеся в сопряженных с имплантами участках коры) и в течение двух поколений сделать шаг от «Homo Sapiens» к «Homo Sapiens Implantus».

Решительные действия были предприняты Конфедерацией Солнц.

Кибрайкерам дали возможность сдать, добровольно пройти процедуру мнемотехнических коррекций. Тех, кто не пошел на сотрудничество, объявили вне закона.

Мнемоников в большинстве «амнистировали» с одним неременным условием: они становились частью системы.

Все подпольные центры по избыточному имплантированию Флот Конфедерации либо уничтожил, либо взял под свой контроль.

Трудный процесс, протекавший на протяжении десятилетий, привел к заранее предсказанному результату: сформировалось первое поколение «избыточно имплантированных» – людей, не только обладающих абсолютной властью над кибернетическими системами, но и получивших другие, неожиданные способности.

Кибермодули имплантов, оснащенные собственными сканирующими комплексами, выполненными на уровне нанотехнологий, открыли мнемоникам новую грань реальности. Человеческий мозг, получая информацию от не свойственных ему источников, адаптировал

ее, преобразуя в понятные образы. Перед мнемониками открылся мир энергий, они научились воспринимать его, начиная от элементарных сигнатур, порожденных природными явлениями, до энергоматриц механизмов, визуализации информационных потоков, и, наконец, они сумели *ощутить* пространство гиперсферы, детализировать его на недостижимом ранее уровне.

* * *

Эпоха искусственных интеллектов уходила в прошлое.

Рассудок Ральфа оперировал киберпространством. Сложнейшая ткань энергетической вселенной разворачивалась перед его мысленным взором, а подсистемы «Стилетто» ощущались как неотъемлемая часть сознания.

Ведущая навигационная линия вывела корабль к очередной «узловой точке»⁴ гиперпространственной сети.

Ральф начал стандартную процедуру: всплытие в режиме «граница», контакт с наномашинами, распыленными в космосе при предыдущих патрулированиях, обработка полученных данных, и снова – погружение в гиперсферу.

На этот раз – рутина. Дикая Семья цивилизации насекомых не внушала серьезных опасений. Портал древней транспортной сети, расположенный на орбите, разрушен. Планета с сезонным климатом не давала насекомым возможности для быстрого роста популяции. Их города располагались в разных полушариях, за тысячи километров друг от друга. Информация, собранная дрейфующими в пространстве наномашинами, свидетельствовала о вынужденных климатических миграциях Семьи. Когда в одном полушарии наступала осень и температура начинала падать, приближаясь к значению «биологический ноль»⁵, миллиарды разумных насекомых отправлялись в путь, преодолевая огромные расстояния. Многие гибли в погоне за ускользящим летом, лишь половина из них достигала цели. В городах, расположенных на втором материке планеты, к моменту их прибытия наступала весна. Семья несколько месяцев благоденствовала, растила потомство, восстанавливая численность, затем вновь отправлялась в путь.

Подобная борьба за жизнь остановила их развитие. Ральф не обнаружил в системе космических кораблей. Анализ сигнатуры древнего устройства, когда-то обеспечивавшего доступ к межзвездной транспортной сети, указывал на плачевное состояние конструкции. Часть элементов попросту отсутствовала.

Он составил мысленный отчет, записал его в файл и вдруг на выходе из режима «граница» ощутил незначительный сбой в работе гипердвигателя.

«Великое Ничто»⁶ уже разворачивало перед ним сложнейшую структуру энергоуровня, Дуглас собирался сменить ведущую горизонталь, двигаясь к следующей узловой точке, но, выяснив причину неполадки, приостановил исполнение полетного плана, задействовал бортовую станцию гиперсферных частот:

- Восьмой, ухажу с маршрута.
- Принято. Доложите причину.
- Требуется замена блока гиперпривода. Пара минут с заходом в док.
- Действуйте, – пришел лаконичный ответ. – Три контрольные точки маршрута переданы группе резерва.

⁴ Точка, где сходятся энергетические линии гиперсферы. Каждый «узелок» в структуре энергоуровня связан с реально существующими материальными объектами звездной величины.

⁵ Для насекомых «биологический ноль» (температура, при которой они теряют способность к размножению) равняется двадцати градусам по шкале Цельсия.

⁶ Так именовали гиперсферу первопроходцы эпохи Великого Исхода.

В восприятии мнемоника первый энергоуровень гиперсферы выглядит в тысячи раз сложнее, чем способны продемонстрировать самые современные навигационные комплексы.

Если ранее было принято считать, что сеть линий напряженности отражает лишь гравитационные взаимодействия объектов звездной и планетарной величины, то теперь стало очевидно: все тела, обладающие массой, оставляют в гиперсфере след своего существования.

Тончайшие, неразличимые при помощи навигационной аппаратуры, трепещущие, исчезающие и вновь проявляющиеся энергетические нити пронзали кажущуюся пустоту.

Ближайшая Вертикаль закручивалась в узловой точке энергетическим вихрем.

Ральф спокойно и расчетливо направил «Стилетто» в центр зловещего явления.

Заработал счетчик энергоуровней. Движение в потоке Вертикали по ощущениям сродни падению в пропасть, но Дуглас отлично понимал физику окружающего его пространства, он действовал осмысленно и хладнокровно, не позволяя кораблю превратиться в щепку, стать игрушкой мощных процессов, протекающих в гиперсфере.

Пятый энергоуровень!

Коротким включением генераторов низкой частоты Ральф вывел «Стилетто» из потока Вертикали, ускорился, удаляясь от энергетической воронки, затем двигатели ориентации отработали корректирующим импульсом, и нужная ему горизонтальная линия напряженности плавно переместилась в центр восприятия.

«Отлично». Он задействовал маршевую тягу. Филигранно совершенный маневр погружения позволял преодолеть расстояние в десяток световых лет всего за пару минут.

Точка встречи, куда направлялся Ральф Дуглас, располагалась в зоне высокой звездной плотности скопления О'Хара, там, где никогда не существовало пригодных для колонизации планет, а окрестный космос переливался сиянием миллионов близко расположенных светил.

Для стороннего наблюдателя система двойной звезды выглядела зловещей и безжизненной. Взаимное влияние двух солнц вызывало в пространстве настоящий плазменный шторм, но крейсер класса «Светоч», дрейфующий на окраине системы, в стороне от эпицентра непрекращающегося звездного катаклизма, был надежно защищен. Его генераторы активного щита работали по принципу логрианской «Вуали» – технологии, заимствованной у иной космической расы, но существенно доработанной, адаптированной для применения на боевых кораблях последнего поколения.

Гравитационное искривление пространства отклоняло ураганные порывы «солнечного ветра», заставляя их плавно огибать крейсер, создавая вокруг него плазменный кокон.

Прорвать такую защиту практически невозможно, но «Стилетто» Дугласа, совершив серию гиперсферных маневров, вышел из точечного пробоя метрики внутри энергетического кокона, всего в нескольких километрах от обшивки крейсера.

Мгновенный обмен данными прошел на уровне рефлекса. Так два человека машинально кивают друг другу при встрече, и уже через секунду Ральф ощутил, как захваты крейсера мягко приняли его машину, увлекая «Стилетто» внутрь вакуумного дока.

Учитывая сбой в гиперприводе, от Дугласа потребовалось настоящее мастерство, чтобы выйти из гиперсферы, не угодив в «Вуаль» и избежав «совмещения» с многочисленными надстройками исполинского корабля.

Он честно заслужил несколько минут отдыха, пока технические сервы меняли неисправный блок гипердрайва, а истощенные накопители подзаряжались от бортовой сети крейсера.

Он прикрыл глаза, но расслабиться не удалось, в мысли Ральфа внезапно и настойчиво вторгся сигнал экстренного вызова.

Беспокоили с мостика.

Хочешь не хочешь, а ответить придется.

– Да?

– Ральф, привет. – Голос Мари Делакруа, старшего офицера «Светоча», прозвучал сухо, по-деловому. Неформальное обращение, принятое среди мнемоников, в данном случае ничего не значило.

– Весь внимание. – Дуглас прекрасно понимал: Делакруа вышла на связь по вопросу, касающемуся службы.

– Мне требуется помощь.

Он приподнял бровь. Очень интересно. Не «нам», а «мне»?

– В чем проблема?

– Сканеры фиксируют непонятный сигнал. Ассоциативно похож на шепот. Источником служит немаркированная линия гиперсферы. Взгляни, может, ты сумеешь что-то прояснить?

Ральф нахмурился. Мари действительно оказалась в затруднительном положении. Оставить без внимания странные импульсы, похожие на слабую, искаженную помехами передачу, нельзя. Но и посылать группу для проверки нет достаточных оснований. Правильно сделала, что обратилась за помощью. Дело в том, что порог восприимчивости к энергиям у каждого мнемоника разный, и независимое мнение в таких ситуациях часто становится решающим.

– Ладно, попробую. Открой мне доступ к сканерам крейсера.

– Готово. Я не отключаюсь.

Перед мысленным взором Дугласа вновь развернулась энергетическая ткань первого энергоуровня. Указанная линия гиперсферы уходила за пределы исследованного космоса. Ральф сосредоточился, но поначалу не ощутил никаких аномалий в энергетическом потоке. Хотя... – Он вдруг почувствовал незначительное изменение сигнатуры. – ...Горизонталь действительно находилась под воздействием, но источник сигнала был настолько слаб, что его смело можно игнорировать. Любой передатчик гиперсферных частот дает явную, хорошо читаемую, периодическую пульсацию...

– Ну, что там?

Дуглас медлил с ответом. «Шепот вечности» – так называют незначительные, блуждающие в гиперсфере сигналы. Энергетическая вселенная способна передавать постепенно затухающие импульсы ГЧ-связи, иногда явление резонанса усиливает их, и сообщение, отправленное тысячу лет назад с борта колониального транспорта эпохи Великого Исхода, или обмен данными между кораблями времен Галактической войны вдруг становятся доступными для восприятия.

Ошибиться легко. Ральф вновь зафиксировал микроколебания линии напряженности, но «шепот вечности» не нес смысла. Не за что зацепиться. Скорее всего, это отголосок прошлого.

Нет, тут что-то не так – упрямо подсказывал внутренний голос, да и подсознательно Дуглас ощутил внезапное беспокойство, тревогу, как будто упустил нечто важное. Он не отключился от мощных сканеров «Светоча», попытался выяснить причину внутреннего дискомфорта. Используя аппаратуру крейсера, Ральф усилил едва читаемую сигнатуру, выделил ее и внезапно понял: частота, использованная для передачи, нехарактерна для передатчиков былых эпох!

– Мари, я проанализировал сигнал, – наконец произнес он. – Его генерирует современный комплекс связи. Частоты совпадают.

– Но линия гиперсферы не маркирована! – машинально возразила Делакруа. – Там нет и не может быть станции гиперсферных частот!

– Понимаю, не маленький, – согласился Ральф. – Скорее всего, работает наземное устройство внепространственной связи. Его мощность слишком мала, и передача затухает в гравитационном поле звезды. – Он передал по сети «Светоча» свое восприятие события.

Мари задумалась. Действительно, частота современная. Ее обычно используют операторы межзвездной связи в секторе Корпоративной Окраины.

– Проверишь? – неожиданно предложила она.

– Я на патрулировании, – напомнил Ральф.

– Тебя заменила Настя Швецова. Я распорядюсь, чтобы она отработала оставшуюся часть маршрута.

– Ладно, – пожал плечами Дуглас. Откровенно говоря, он порадовался неожиданному предложению Делакура. Патрулирование уже изрядно надоело, а вот возможность совершить прыжок вдоль неисследованной навигационной линии выпадает далеко не каждому пилоту.

– Сообщишь о результате. Если ничего не найдешь, возвращайся на базу. Все формальности я беру на себя.

– Договорились. – Дуглас приступил к проверке гиперпривода. – Стартую по готовности.

– Удачи. Жду доклада.

...Прыжок.

Ткань гиперсферы медленно разворачивалась перед мысленным взором боевого мнемоника. Ральф действовал с разумной осторожностью, он не стал погружаться в аномалию глубже первого энергоуровня, ведь путь, которым следовал его «Стилетто», уводил в абсолютную неизвестность.

Дуглас ни на миг не выпускал из поля зрения ведущую навигационную нить, одновременно сопоставляя свое движение с объектами реального космоса.

Он прошел через пять узловых точек, но сигнал лишь незначительно усилился, по-прежнему звучал, подобно шепоту, не позволяя разгадать его смысл.

«Стилетто» пересек границу средней звездной плотности и оказался на окраине скопления О'Хара.

Сигнал стал четче. Теперь смена ведущей горизонтали уже не вызывала сомнений.

Рассудок Ральфа перешел на иное быстроедействие. Он принимал огромные объемы информации, стараясь не упустить ни единой детали.

Седьмая узловая точка... Некартографированный сектор... До ближайшего из освоенных людьми миров не менее тридцати световых лет. Кто же сумел забраться в такую даль?

Есть ветвление горизонтали⁷! Разделение по массам: звезда и три планеты! Сигнал усилился! Предварительная оценка оказалась верной: работал наземный комплекс гиперсферных частот, расположенный на второй планете.

– П... о... м... о... г... и... т... е!..

Разум Ральфа наконец сумел разделить сигнал на импульсы и прочесть бесхитрое послание. Это был мысленный образ! Выходит, мольба о помощи исходит от мнемоника?!

Боевая готовность! Режим «граница»!

Через несколько мгновений точечный пробой метрики разорвал мрак в районе высоких орбит второго спутника звезды.

Капсула с наномашинами покинула гиперсферу и тут же раскрылась, распыляя свое содержимое.

Секунда... Вторая... Третья...

Данные пошли. Наночастицы сформировали сеть, и Ральф получил возможность оценить обстановку в «реальном космосе».

Планета земного типа открылась его мысленному взгляду. На фоне серо-голубоватой облачности тут же возникла отчетливая сигнатура. Корабль насекомых на орбите, класс крейсер! Но как он сюда попал? Горизонталь не принадлежит к древней транспортной сети цивилизации разумных насекомых!

Ральф детализовал энергетическую матрицу чужого корабля, мгновенно выявив серьезные изменения в его конструкции! На крейсере был установлен мобильный гиперпривод!

⁷ В границах звездной системы ведущая линия напряженности начинает ветвиться, от нее отделяются «блуждающие» нити, указывающие на количество планет.

Устройство достаточно древнее, судя по некоторым характерным признакам, секция гипердрайва демонтирована с фрегата времен Галактической войны!

Заряд накопителей стремительно таял. Маневрирование на границе метрик буквально пожирало энергию.

Решение?

Активация режима «тень», вход в атмосферу планеты, пеленг наземной станции ГЧ, далее по обстоятельствам...

Город.

Он рвался к низким осенним облакам уступами высотных зданий.

Двойственность восприятия была по нервам. Показания сканеров вычерчивали контуры строений, наполняли их пульсирующими нитями энергетической сети, в основании цокольного этажа мегаполиса сканировался типовой реактор колониального транспорта, но оптические системы увеличения предлагали совершенно иную картину. Кварталы построек прятались под коростой чуждой архитектуры – на равнинном участке материка в окружении разрушенных агротехнических ферм, среди заброшенных, раскисших под дождями, так и не убранных к осени полей высился черный город насекомых.

«Стилетто» Ральфа Дугласа сбросил скорость, переходя на антигравитационную тягу и начиная круговой облет гибридного сооружения.

Ральф сконцентрировался на восприятии тепловых энергий, и перед мысленным взором тут же возникла разветвленная сеть тоннелей и залов, опорой для которых служили здания городской застройки. Горячий воздух поднимался из недр Цоколя, от теплообменников реактора и устремлялся вверх, обогревая исполинский муравейник. Плюс тридцать девять по Цельсию. Почти стопроцентная влажность. Радиоактивный фон в норме.

«Дикая Семья, однозначно», – в мыслях Ральфа ощущалась нарастающая ярость. Способ, которым насекомые колонизировали планету с изменчивым, неподходящим для них климатом, других чувств не вызывал.

Город.

Наличие жилых кварталов говорило о состоявшейся колонии. Машины с борта колониального транспорта, действуя в автономном режиме, способны возвести лишь первичное убежище.

Здесь совсем недавно жили люди. Ральф читал сигнатуры, постепенно понимая всю глубину произошедшей на планете трагедии. Схема охлаждения реактора изменена, адаптирована под нужды муравейника! Город по-прежнему полон сервов, но они не реагируют на чуждых существ!

Подобные изменения могли быть внесены только людьми, но глупо полагать, что жители добровольно отдали город. Насекомые – телепаты от природы. Они *заставили* технических специалистов произвести нужные им «усовершенствования». Обычная практика Диких Семей.

Что они сделали с жителями мегаполиса?

Уничтожили? Переселили?

Минута потребовалась Ральфу на первичный анализ данных.

Дуглас прижимал машину к земле, заставляя сливаться с рельефом, скользить на предельно малой высоте.

«Твари...» – мысль билась в рассудке, не находя выхода. Сложнее всего в такие минуты сохранить самообладание, удержаться от немедленных, спонтанных решений, не дать эмоциям перехлестнуть через край.

Собрать информацию, зафиксировать факт геноцида колонии, уйти в гиперсферу, ничем себя не выдав, донести полученные разведывательные данные до командования – такие действия в сложившейся ситуации предписывали инструкции, но мучительный, полный отчаяния и страха призыв о помощи выжигал рассудок Ральфа.

Сигнал истончился, исчез еще до входа его корабля в атмосферу, и сейчас Дуглас не мог определить его источник, но мысль продолжала биться в сознании: кто-то еще жив, еще надеется на помощь!

Второй заход.

Город вновь приблизился, вырос, укрупнился в деталях. На этот раз Ральф обнаружил две энергоматрицы чужих космических кораблей – для них инсекты соорудили специальные посадочные площадки, похоронив под ними два городских квартала.

Воображение тут же дорисовало картину: здания, залитые многометровым слоем черного полимера, пустые квартиры, наглухо замурованные в основании посадочных площадок, превращенные в склепы, внутри которых скорчились усохшие, мумифицированные тела людей.

Может, он ошибался, обладая слишком ярким воображением?

Были известны случаи, когда инсекты не истребляли человеческие колонии, а вынуждали население мигрировать, уходить прочь, в более суровые климатические зоны...

Он завершил облет города, записал все полученные данные и, никем не замеченный, увел «Стилетто» навстречу закату, пересек материк, и теперь под днище машины стелилась рябь океанских волн.

Один материк. Одно поселение. Один шанс для людей, чьи предки покинули Землю в эпоху Великого Исхода.

Через час стало ясно – других поселений на планете нет. Пора уходить. Теперь Совет Безопасности Миров будет решать судьбу Дикой Семьи.

Наночастицы, распыленные над планетой, продолжали медленно снижаться, транслируя новые данные.

Ральф медлил.

Боевой сканирующий комплекс зафиксировал место посадки колониального транспорта. Используя модуль расширения сознания, Дуглас соединился с бортовой кибернетической системой космического скитальца, но информации не получил, удалось выяснить лишь название корабля – «Эдем».

Что за злая насмешка судьбы? Люди, преодолевшие бездну пространства, отыскавшие пригодную для жизни планету, перенесшие все тяготы и лишения первой стадии терраформирования, сумевшие сохранить знания, построившие город, – разве они думали, что их выстраданный рай спустя поколения вдруг превратится в гибридное сооружение, где воцарится чуждая форма жизни?

Он медлил.

Еще один виток.

В душе Ральфа по-прежнему теплилась надежда. Станция гиперсферных частот могла включиться так же внезапно, как замолчала час назад.

...Илья пришел в сознание от липкой волны ужаса.

Комплекс непонятной аппаратуры, установленный в помещении, не работал, лишь пара красных индикаторов светилась на приборной панели, разгоняя сумрак приютившего его помещения.

Его трясло, но теперь озноб не имел ничего общего с простудой.

Волна ужаса затопила рассудок мальчика. Он чувствовал: кто-то приближается к руинам агротехнической фермы.

«Чужие. Они заметили меня!»

Страх сменился паникой. Куда бежать? Где спрятаться?

Преодолевая слабость, Илья встал, подошел к грязному окну, едва пропускающему хмурым светом дождливого осеннего дня, прижался к стене, вытянул шею, осторожно выглянув наружу.

Здание напротив лежало в руинах. От стен остались лишь иззубренные обломки. Отсюда хорошо просматривались поля, и он вздрогнул всем телом, невольно втянул голову в плечи, когда заметил группу темных фигурок, неторопливо приближающуюся к ферме.

Он машинально отпрянул от окна и присел, чувствуя, как слезы бессилия катятся по щекам.

Так страшно ему не было никогда в жизни.

– Помогите... – Горячий шепот срывался с губ мальчика, он задыхался от ужаса, не понимая, кого зовет, на что надеется.

На комплексе аппаратуры внезапно появился узор световых точек.

Они пульсировали в такт его шепоту, словно кибернетическая система сумела распознать отчаянную мольбу мальчика, переадресовать ее, но кому? Может, здесь, на ферме, сохранились другие машины и они придут на помощь?

Через несколько минут, когда неизвестность стала невыносимее страха, он опять встал, уцепился пальцами за пластиковый подоконник.

Чужие входили во двор.

Они двигались уверенно, словно загодя знали: где-то поблизости прячется последний житель колонии.

Они каким-то образом воспринимали его присутствие на ферме, отвечали постоянно усиливающимся давлением на разум и без того перепуганного до смерти, совершенно беззащитного мальчика.

Теперь он не мог даже пошевелиться. Сознание не покинуло Илью, его пальцы, впившиеся в подоконник, побелели, зрачки расширились.

Он впервые видел чужих существ так близко. Их странная броня, потертая, похожая на хитиновый панцирь насекомых, влажно поблескивала от дождя. Они двигались, растянувшись цепью, осматривая каждый закуток руин, трехпалые кисти рук крепко сжимали оружие – такое он видел в городе, у взрослых.

Илья больше не владел собой. Крупная дрожь сотрясала его, губы побелели, лицо стало серым, по телу выступила липкая испарина.

Не в силах сопротивляться волне липкого ужаса, он медленно осел на пол.

...Дуглас исчерпал отпущенный самому себе лимит ожидания.

Работа антиграва стремительно истощала резервные накопители энергии. Этот тип двигателей до сих пор считался экспериментальным и на «Стилетто» устанавливался лишь в конфигурации «тень».

Все.

Энергии хватит, чтобы удалиться от города, взмыть в стратосферу и, прикрываясь планетой, как щитом, перейти на маршевую тягу, раствориться в пространстве неуловимой, пылающей точкой.

Разворачивая «Стилетто», Ральф внезапно заметил группу насекомых. Они шли через раскисшие под дождями поля, растянувшись длинной цепью.

Ищут кого-то?

Устройство мнемонического блокиратора надежно защищало Дугласа от телепатического воздействия общественного разума, но сейчас он готов был рискнуть, на несколько секунд отключить логрианский прибор, чтобы соприкоснуться с ментальным полем муравейника.

Такие мгновенные включения, как правило, не демаскируют пилота. Общественный разум, конечно, ощутит некий диссонанс, но вычислить и опознать его источник не сумеет. Проверено на практике. В привычных для человека сравнениях насекомые воспримут невнятный, отдаленный шум, главное – контролировать эмоции, не допустить их всплеска.

Куда и зачем они направляются?

«Включение» способно вырвать из чуждого ментального поля наиболее яркие образы, чаще всего непонятные, сложные, а порой просто непостижимые для человеческого рассудка, но в распоряжении Ральфа был интерпретатор – устройство, созданное научным отделом Флота...

Он не успел воспользоваться им. Неожиданно на фоне полуразрушенных построек агротехнической фермы вспыхнула яркая сигнатура заработавшего кибернетического комплекса!

На этот раз передачу вела не наземная станция ГЧ, а обыкновенный коммуникационный модуль, предназначенный для связи на коротких расстояниях, но сигнал от него исходил устойчивый и нес уже знакомый, недвусмысленный, отчаянный призыв:

Помогите!..

Столько ужаса звучало в мольбе о помощи, что Ральф поразился глубине мгновенного сопереживания – в душе все сжалось, и он, действуя машинально, отключил блокиратор.

Группа насекомых, приближавшаяся к постройкам, даже не пыталась скрыть своих устремлений. Боевые особи муравейника генерировали четкий образ, служивший для них целью: Дуглас на мгновение увидел фигурку мальчика, скорчившегося подле окна в полутемном помещении одного из зданий.

Чужие читали его парализованный ужасом рассудок, словно открытую книгу. Они воспринимали страх мальчика как путеводную нить, шли на него, как зверь идет на запах.

Ровный гул турбореактивных двигателей демаскировал «Стилетто», но решение, принятое Дугласом, не являлось спонтанной реакцией на событие.

Он заранее знал, как станет действовать, если таинственный сигнал появится вновь.

Перегрузка вжала его в кресло. Боевая машина свечой взмыла вверх, через пару секунд атмосферные двигатели смолкли, он задействовал планетарную тягу, выходя на цель по точно рассчитанной траектории.

Корабль насекомых, оснащенный мобильным гиперприводом, неспешно двигался по орбите.

Для оккупировавшей планету Семьи он являлся единственным шансом на эвакуацию. Ральф не сомневался: общественный разум, оценив ситуацию, не станет ждать справедливого возмездия, и, решившись нарушить инструкции, он был обязан отрезать насекомым путь к бегству.

Никто не ожидал появления «Стилетто». Стремительная и неотвратимая атака заняла мгновения – выйдя на дистанцию эффективного огня, Ральф разрядил бортовые ракетные комплексы, превратив гиперпривод чужого корабля в обломки, и тут же начал маневр входа в атмосферу с одновременным захватом целей.

Боевые особи Семьи не интересовались событиями, происходящими в околопланетном пространстве. Перед группой стояла конкретная задача, выполнение которой являлось единственным смыслом их сиюминутного существования.

Пылающий болид прочертил хмурые небеса, разорвал густой полог облачности и взорвался огнем: курсовые орудия ударили точно и беспощадно, стена разрывов наискось перечеркнула внутренний двор агротехнической фермы, снесла руины нескольких построек, разметала цепь хладнокровных убийц.

Земля, поднятая разрывами, еще не осела, когда «Стилетто» вышел из опасного пикирования и взял курс на город.

Ракетные комплексы успели перезарядиться, фактор внезапности все еще работал на стороне Ральфа, и он открыл беглый огонь по заранее разведанным целям. На этот раз под сокрушительный удар попали два корабля, расположенные на посадочных площадках города.

Со стороны казалось, что в двух точках изуродованного насекомыми мегаполиса вдруг началось извержение вулканов. Стремительное маневрирование и огневая мощь бортовых вооружений «Стилетто» не оставили противнику никаких шансов. Дуглас рассчитал все до

секунды, до миллиметра – он уже выходил из конуса атаки, а оба чужих корабля, получив критические повреждения, пылали, выбрасывая в небеса гудящие столбы пламени и черные клубы едкого дыма.

Боевым разворотом с одновременным сканированием целей Ральф ушел к постройкам агротехнических ферм.

Забрать мальчика – задача непростая. Конструкция «Стилетто» подразумевала различные модификации, но сегодня вылет осуществлялся в режиме «тень», и текущая комплектация машины не оставляла места для пассажира.

Что делать?

Он мысленно перебирал варианты в поисках оптимального решения: «У меня есть резервный мнемонический блокиратор. В критической ситуации «Стилетто» способен вернуться на базу под управлением моего личного логра.

Решено. Остаюсь».

А мальчишка – мнемоник второго поколения! Ральф не сомневался, что его родители были участниками одного из многих евгенических экспериментов, проводимых на планетах Украины в те годы, когда «избыточно имплантированные» находились вне закона, являлись едва ли не собственностью крупных корпораций.

Мысли промелькнули и тут же ушли. «Стилетто», вздымая фонтаны грязи, коснулся земли, проломил стену здания и, отработав реверсом двигателей, застыл. Его окутали клубы пара, к которым примешивался черный дым. Дуглас сознательно имитировал катастрофу и теперь под прикрытием маскирующих полей покинул корабль.

Проливной дождь хлестал по раскаленной броне, мгновенно испаряясь. Искажение, поставленное системами маскировки, создавало обманчивое впечатление, что боевая машина потерпела аварию и больше не представляет угрозы.

Дуглас не сомневался: общественный разум Семьи отреагирует на атаку жестко и недвусмысленно.

«Пока ищу мальчика, пускай «Стилетто» остается на месте», – решил он, бегом удаляясь от места посадки, одновременно производя сканирование, давно уже ставшее действием машинальным, – так обычный человек бегло оглядывается по сторонам, оказавшись в незнакомом месте.

Оба корабля инсектов, атакованные на посадочных площадках города, полыхали, создавая мощную тепловую засветку. Без поддержки с воздуха насекомым придется трудновато. «Но они оказались в ловушке и попытаются уничтожить меня любой ценой», – думал Ральф, пробираясь через руины зданий к нескольким уцелевшим постройкам агротехнической фермы. Пока общественный разум уверен, что истребитель потерпел аварию, у Семьи еще остается иллюзорная надежда сохранить существующее положение вещей.

Он переключился на ближнее сканирование. Во внутреннем дворе фермы датчики имплантов не обнаружили ни одного инсекта, лишь свежие воронки все еще курились кислотным дымком.

Ага, нашел! Импланты зафиксировали слабый тепловой контур. Мальчик в здании по-прежнему прячется.

Ральф отдал короткий мысленный приказ, дистанционно запустив стартовые командные последовательности.

Его «Стилетто», не снимая маскирующих полей, развернулся, взял короткий разбег, взмыл в небеса и тут же ушел за облака.

Через пару минут машина совершит гиперсферный прыжок на координаты системы Элио.

«Стилетто», вернувшийся без пилота, мгновенно привлечет внимание, личный логг Ральфа Дугласа немедленно извлекут, считают с него информацию, ну а остальное – уже дело техники.

...Илья слышал грохот, ощущал тугие удары разрывов, от которых вздрагивала земля, затем окно над его головой вдруг брызнуло крошечной гранул, и в комнату ворвались едкие запахи.

Некоторое время он сидел, испуганно закрывая руками голову, но грохот стих, отбарабанили по крыше комья земли, и вдруг наступила тишина, в которой отчетливо слышался монотонный шелест проливного дождя.

Илья привстал, осторожно выглянул на улицу.

Было страшно. За хмарью сминаемой ветром непогоды мерещились силуэты чужих существ.

Куда же они делись?

Пусто во дворе, лишь в земле зияют огромные дымящиеся ямы да выбитые окна в соседних зданиях хлопают на ветру покоробленными створками рам.

Мальчик не понимал смысл произошедших событий. Что делать теперь? Затаиться или бежать?

Новый звук внезапно зародился в небесах. Басовитый гул приближался, в какой-то миг он стал нестерпимым, и Илья снова испуганно присел.

Раздался грохот, словно поблизости рухнула стена, и опять все стихло.

Непонятные события лишь нагнетали ощущение липкого ужаса. Он бы убежал, да некуда. Приютившее его здание казалось единственным надежным убежищем в округе, хотя теперь в выбитое окно врвался влажный холодный ветер, вновь стало неуютно, но все чувства тонули в страхе перед чужими существами.

Их загадочное исчезновение не успокоило Илью.

«Надо где-то спрятаться», – лихорадочно подумал он, вновь выглянув на улицу.

Ямы в земле больше не истекали дымом. Проливной дождь уже наполовину наполнил их водой. По другую сторону двора располагалась еще одна неразрушенная постройка. В ней не было окон, только массивная дверь, и Илья решил: «Будь что будет, побегу туда...»

Он перелез через подоконник, спрыгнул на землю, присел, озираясь.

Тихо как... Только дождь шумит.

Он что есть сил рванулся через двор, огибая воронки, стараясь не споткнуться об отвалы земли.

До заветной двери Илья добежал, никем не замеченный, по крайней мере, так ему казалось, а вот дальше все пошло не по плану. Тяжелая металлическая дверь оказалась запертой изнутри. Он несколько раз подергал за ручку, пытаясь тянуть ее на себя, но бесполезно.

Приближающиеся сзади шаги он скорее почувствовал, чем услышал.

Резко обернувшись, Илья обмер. Массивная, неуклюжая фигура появилась из пелены дождя.

Мальчик попятился, прижался к стене, напряженно наблюдая за невиданным механизмом. Тот шел напрямик к нему. Похож на андроида, только намного крупнее.

«Наверное, главный робот на ферме, – промелькнула мысль. – Сейчас станет ругаться, что я сюда залез».

Увидев мальчика, мокрого, испуганного, измученного, Дуглас подошел ближе, затем присел на корточки, заметив, что от резкого визга сервомоторов тот зажмурился, словно ожидал удара.

– Ну, ты чего? – Ральф поднял забрало боевого шлема. Дышать воздухом неисследованного мира рискованно, но что ему оставалось делать? Возвышаться над пацаном, говорить с ним через аудиоустройства боевой экипировки? Напугать еще больше?

Илья действительно зажмурился от страха, но внезапно прозвучавший человеческий голос заставил его собрать остаток мужества, взглянуть на странное создание.

От увиденного вдруг резко закружилась голова, губы мальчика дрогнули:

– Ты... не робот?

– Нет. Меня зовут Ральф Дуглас. А тебя?

– Илья...

– Да ты вымок весь! – Ральф выпрямился, взглянул на дверь, одновременно сканируя систему замка, затем протянул руку и, используя усилители мускулатуры, без труда открыл вход в здание генераторной.

Внутри гнезвился мрак.

– Заходи. Не бойся.

– А я не боюсь. – Голос Ильи дрожал. – А ты откуда взялся? Из города, от чужих убежал?

– Нет. Я от чужих не бегаяю. – Ральф плотно притворил дверь, включил осветительное устройство бронескафандра. Да, позиция, конечно, никуда не годится. Стены толстые, но толку? Окружат, вскроют единственную дверь при помощи ручных лазеров. Нет, не вариант.

– А зачем ты в робота залез?

– Это не робот, а экипировка такая, – ответил Ральф. – Ты разве никогда не видел скафандра? – Он уже отсканировал микросигнатуры нейронных импульсов. Мальчик – точно мнемоник второго поколения. – А где твои родители?

– Не знаю.

– Ты в городе жил?

– Ну да. Пока чужие не прилетели. Мне андроид сказал: в лес беги. Я там все лето прятался, потом дожди пошли, холодно стало...

– Родителей совсем не помнишь?

– Не...

– Ладно, потом о них поговорим. Замерз?

– Простудился. – Илья чувствовал лихорадочный прилив сил. Странно, но он не боялся Ральфа, хоть тот и выглядел немного жутковато в своей механической оболочке.

– Это плохо. Давай поговорим по-взрослому?

Илья кивнул.

– Значит, слушай внимательно. Чужие знают, что мы тут...

– Я видел их. Но они куда-то делись!

– Так, не перебивай. – Ральф отдал мысленный приказ, и бронепластина на его правом предплечье сместилась, открывая небольшой отсек с набором выживания. – Сейчас тебя накормлю и вылечу.

– Да ну? А что мы будем кушать?

– Извини, лакомств нет. Пищевые таблетки. Проглотил и сыт.

– Ну, ладно... – Илья доверчиво взглянул на Дугласа. Страх в его глазах понемногу таял. – А если чужие придут... – Он взял пищевую таблетку, проглотил ее. – Мы в какую сторону побежим? Там за зданиями поля и лес, но идти трудно. Земля к ногам липнет.

– Никуда не побежим.

– Но они же нас убьют!

– Пусть попробуют. – Ральф ободряюще улыбнулся. В его жизни было очень мало хорошего. По крайней мере, до определенного возраста. Он родился и вырос на одной из планет Корпоративной Украины. Для многих этого достаточно, чтобы понять, как тяжело складывалась судьба Дугласа. В мире, где непременно надо отвечать ударом на удар, нет места человеческой доброте.

Если ты добр, значит, ты слаб.

Сейчас, глядя на Илью, Ральф подумал: а что пришлось пережить ему? Родители наверняка кибрайкеры, участвовавшие в евгенических программах. Когда началась зачистка Украины, ликвидация подпольных центров избыточной имплантации, им, видимо, удалось ускользнуть, скрыться в глубоком космосе. Если Илья их не помнит, значит, и правды о том, как он попал на эту планету, уже не узнать. Но это и не так важно. Главное скрывалось во взгляде мальчика.

Он не обозлился, хотя выживал на грани возможностей десятилетнего ребенка.

У него внутри, в душе, ощущался стержень, прочный, как сталь. Исхудал, отчаялся, но не сдался. А в глазах – доверчивость, тепло, от которого вдруг резко начало щемить сердце.

Доверие человека к человеку, ребенка ко взрослому. Все это Ральф остро почувствовал, пережил за секунды.

Он рос совершенно не таким. В школе мнемоников, куда его в пятилетнем возрасте продали родители, нужно было стать зверенышем, чтобы выжить.

Он никогда никому ничего не просал. Со временем разучился испытывать страх. Мнемотехники Конфедерации, опекавшие его в подростковом возрасте, кое-что, конечно, подкорректировали в психике, но Дуглас так и остался жестким, нелюдимым.

– Запомни, Илья. – Он прижал торцевую поверхность автоматической аптечки к предплечью мальчика. – Что бы ни случилось, сюда вскоре прилетят космические корабли. Они заберут тебя на очень красивую, удивительную планету.

Анализаторы завершили работу, несколько раз щелкнул иньектор.

– А там нет чужих?

– Нет. И никогда не будет. – Ральф считал данные. – Ну вот, с твоей простудой мы разобрались.

– А почему ты их не боишься? – Илья натянул влажную куртку, не чувствуя озноба, ставшего уже привычным ощущением за последние дни.

– Потому что они не правы. – Дуглас мысленно использовал в адрес Дикой Семьи иные эпитеты, но Илье их слышать ни к чему. – Ты сильный. – Он потрепал его по плечу. – Они не причинят тебе вреда, обещаю.

– Ладно. – Мальчик безоговорочно поверил ему. – Если мы не побежим прятаться от них, то что станем делать? – уже совершенно серьезно спросил он.

– Я буду с ними драться, – спокойно ответил Ральф. – А ты тихо посидишь тут, ладно?

Илья ответил не сразу:

– А ты вернешься за мной?

– Обязательно. Вот. – Он протянул ему фонарь. – И еще. – Дуглас приладил на шею мальчика мнемонический блокиратор, включил его. – Теперь инсекты тебя не заметят. Они не смогут читать твои мысли.

– Здорово!

Ральф на секунду задумался, затем отдал Илье импульсную «Гюрзу».

– Оружие? Такое я видел у андроидов. А зачем?

– Если чужие вдруг войдут сюда – стреляй. Сможешь?

Илья молча кивнул.

– Молодец. Все будет хорошо. Я вернусь за тобой. – Дуглас опустил проекционное забрало, загерметизировал шлем. – Жди моего возвращения. Дверь не открывай. И не смей никуда уходить!

* * *

Дождь на улице лишь усилился.

Выйдя из здания генераторной, Ральф закрыл массивную дверь, мысленно огляделся, пробиваясь сканирующим излучением имплантов сквозь хмарь непогоды.

Легки на помине, твари...

Инсекты использовали человеческий транспорт. Три вездехода древней колониальной модели двигались по дороге со стороны города.

Отвлечь их надо. Оттянуть в сторону. Дуглас уже шел уверенным размашистым шагом в направлении руин, где полчаса назад совершал посадку его «Стилетто».

«Позиция там неплохая. Укрытий много, но главное – достаточно далеко от здания генераторной. Мнемонический блокиратор гарантирует Илье защиту от телепатических атак, а с остальными проблемами я справлюсь», – думал Ральф, отстрелив две яркие ложные цели. Термические заряды канули в стене дождя, но инсекты их не пропустят, обязательно обратят внимание, ведь у них обостренное восприятие тепла.

Точно. Засекли.

Три вездехода свернули с дороги, растянулись в цепь, двигаясь через поле, к руинам зданий, куда упали ложные цели.

Дуглас активировал плечевое орудие, и оно поднялось из оружейной ниши с тихим шелестом привода.

На гибридную модель реальности, совмещающую показания сканеров и обычное человеческое зрение, легла тонкая паутина прицельной сетки.

На пределе эффективного сканирования внезапно появились сигнатуры целой колонны различной техники.

Обычная тактика Дикой Семьи. Коллективный разум уповаet на мощь ментального поля и манипулирует безропотными бойцами. Количество жертв до определенного момента роли не играет. Главное для них – устранить угрозу.

Дуглас не переоценивал собственные возможности.

Увести врагов в сторону от здания генераторной и продержаться до прибытия боевых кораблей флота – задача выполнимая. Инсекты не представляют, с кем имеют дело, иначе остереглись бы использовать планетарные машины, созданные людьми.

Бортовые компьютеры вездеходов Ральф воспринимал достаточно четко. Эти примитивные устройства безропотно подчинялись кому угодно. Достаточно понимать назначение десятка текстоглифов, чтобы эффективно манипулировать древней колониальной техникой.

Добежав до руин, Дуглас перешел на шаг.

Его беспокоила колонна бронетехники, замеченная на дороге, ведущей к ферме.

Ливень прекратился, теперь хмурые небеса роняли моросящий дождь, и мысли в голове роились под стать погоде.

Злость не улеглась, но притихла. Эмоции недопустимы. Они – проявление слабости. Самоконтролю в корпоративных школах обучали жестко. Работодателям требовались на сто процентов послушные, безотказные специалисты, способные надежно защитить их коммерческие тайны. Вольнодумство каралось.

Ральф рос холодным, жестоким, циничным, презирающим любую слабость.

Он подавал большие надежды, не понимая, что из него день за днем, шаг за шагом формируют безотказную биологическую машину.

Многих его сверстников уже не спасла ни зачистка Окраины, ни ликвидация корпоративных школ, под прикрытием которых функционировали центры избыточной имплантации.

Ему повезло – не все человеческое вытравили из души жесточайшие тренинги, где-то в глубинах сознания замкнутого, нелюдимого подростка в ту пору еще теплилась искра непржитого. Годы понадобились на моральную реабилитацию, но тем острее он принял незнакомые ранее чувства, поверил в них, постепенно формируя в душе новый взгляд на мир.

Мнемоники первого поколения, имплантированные на Окраине, – люди особой закалки. В их душах нет места половинчатым чувствам. Они – сложные натуры.

Дуглас не был исключением из правила. Критические решения он вырабатывал на стыке холодного, трезвого расчета и обжигающих разум эмоций.

Злость гасла. Бросив вызов Дикой Семье, Ральф понимал: продержаться до подхода сил немедленного реагирования ему не поможет справедливая ненависть.

Только трезвый, холодный расчет – вот его единственный союзник в близящейся схватке.

Некоторое время Ральф пристально наблюдать за колонной, пока не убедился, что техника выдвигается к ферме.

Вездеходы, повернувшие в сторону тепловых ловушек, уже приблизились на критическое расстояние.

Пора!

Молниеносная мнемоническая атака взломала бортовые компьютеры трех древних планетарных машин, одновременно связав их в сеть.

Инсекты не понимали, что происходит. Вездеходы, которыми теперь управлял Ральф, развернулись, выворачивая литыми колесами центры почвы, и, двигаясь наперерез спешащему от города подкреплению, внезапно открыли огонь из курсовых орудий.⁸

Стена разрывов перечеркнула полотно дороги, возглавлявший колонну приземистый внедорожник вспыхнул, остальные начали резко тормозить, поневоле сползая на раскисшие под дождем обочины, увязая в грязи, а скорострельные орудия вездеходов продолжали вести ураганный огонь.

Инсекты, успевшие выскочить из машин при первых разрывах, действовали грамотно и быстро. Боевым особям нет нужды обдумывать ситуацию: ферма располагалась недалеко от города и находилась в зоне действия единого ментального поля Семьи. Бойцами руководили разумные особи муравейника с безопасного удаления от источника внезапных проблем, но все же Ральф, пристально наблюдая за результатами своих действий, заметил некоторое замешательство в рядах противника.

Еще бы. «Мыслящие» понимали, что в вездеходах, атаковавших колонну, находятся их сородичи.

Ральф подключился к датчикам машин, взглянул, что творится внутри. Инсекты после безуспешных попыток восстановить контроль над управлением попытались покинуть взбесившуюся технику, но тщетно – люки не открывались, лишь басовито гудели боевые эскалаторы, подавая к орудиям боекомплект, да звонко сыпались в специальные лотки пустые обоймы из-под снарядов.

Через пару секунд стало ясно, как легко жертвует бойцами коллективный рассудок Семьи.

По вездеходам ударили тяжелые лазерные установки. Традиционное вооружение инсектов без труда разрезало броню древних планетарных машин, и вскоре три взрыва полыхнули на окраине поля.

Предсказуемый результат. Ральф отсканировал разгромленную колонну, убедился, что вся техника получила серьезные повреждения и неспособна продолжить движение, после чего произвел серию одиночных выстрелов из плечевого орудия.

Прошло уже четверть часа после старта его «Стилетто».

Скоро придет помощь, а пока нужно сконцентрировать внимание противника на себе, тем более что инсектам придется все начинать сначала, выводить из города новые силы.

⁸ Все планетарные машины эпохи Великого Исхода оснащались мощным бортовым вооружением. Такое техническое решение оказалось оправданным, зачастую в условиях чуждых биосфер, в первые дни после посадки колониального транспорта, именно машины двойного предназначения удерживали периметр зоны посадки, обеспечивая колонистам, едва очнувшимся от криогенного сна, шанс на выживание.

Тревожа огнем выживших под обстрелом колонны боевых особей, Ральф спокойно отступал в глубину руин, четко обозначая для врага свою позицию.

* * *

Оставшись один, Илья забился в угол, положил на колени включенный фонарь.

Чувство голода исчезло, озноб больше не возвращался, но зато постепенно навалилась усталость, его неумолимо клонило в сон: измученный долгими лишениями организм требовал отдыха, глаза слипались, он ничего не смог поделать с собой и незаметно провалился в сон.

Отдаленные звуки боя, приглушенные толстыми стенами, не разбудили мальчика, он лишь тревожно вздрогнул во сне.

Ральф сбросил очередную серию тепловых ловушек и сменил позицию, совершив перебежку под прикрытием иззубренных стен.

Атаку со стороны дороги он отбил.

На пределе эффективного сканирования появилось бледное, едва различимое пятно.

Он изменил режим работы устройств обнаружения, и перед мысленным взором тут же возникли отельные фигуры насекомых.

Общественный разум Дикой Семьи быстро усваивал наглядные уроки. Боевые особи уже не пытались воспользоваться трофейной техникой. Они двигались в пешем строю, покидая город отрядами по десять-пятнадцать бойцов.

По самым скромным подсчетам, со стороны оккупированного мегаполиса выдвигалось не менее двух тысяч насекомых. Образуя широкое полукольцо, они медленно приближались к руинам, где располагалась позиция Дугласа.

Оценив степень угрозы, он перезарядил ОРК⁹ и произвел серию запусков в различных направлениях.

Выпущенные Ральфом реактивные снаряды взмыли над землей и одновременно разорвались, засеивая по площади сотни небольших по размеру сенсорных мин, предназначенных для борьбы с сервами.

Цилиндрические устройства содержали всего по десять граммов таугермина, но их оболочка позволяла произвести направленный взрыв. Обычно такие минные поля задерживали продвижение сервов – мины взрывались, отрывая машинам манипуляторы, поражая датчики и системы вооружений.

Для насекомых они представляли серьезную угрозу. Хитин – плохой заменитель керамики, и каждый взрыв, по расчетам Дугласа, будет фатален.

Либо боевые особи продолжат атаковать, невзирая на чувствительные потери, либо попытаются обойти минные поля. Оба варианта приемлемы...

Хорошо различимые ракетные запуски послужили сигналом к неожиданному событию.

На одном из уступов города, выше уничтоженных посадочных площадок, где все еще горели обломки космических кораблей, затаились пять небольших летательных аппаратов.

Сконструированные путем генной инженерии, они были выращены в инкубаторах города. Управляющие ими насекомые являлись неотделимой частью бионических конструкций, внешне напоминающих двухметровых стрекоз.

Малозумные, практически незаметные для систем обнаружения, они взмыли в воздух и исчезли в пелене дождя, совершая по приказу коллективного разума глубокий обходной маневр.

⁹ ОРК – орудейно-ракетный комплекс. Крепится поверх брони, от запястья до локтевого сустава правой руки.

На вооружении «стрекоз» стояли тяжелые инфракрасные лазеры, способные прожечь пятисантиметровый слой тугоплавкой брони.

Спикировав к земле, пять летательных аппаратов пронеслись вдоль дороги, маскируясь в тепловой засветке догоравших машин уничтоженной колонны, и оказались подле здания генераторной.

«Мыслящий», координируя их действия, внезапно заставил «стрекоз» заложить дополнительный вираж.

Внутри здания инсект заметил слабый тепловой контур.

«Человек! – уверенно определил он и тут же отдал приказ: – Атаковать!»

Илью разбудил оглушительный грохот. Он вскочил, не понимая, что происходит, фонарь упал на пол и закатился под один из огромных неработающих агрегатов. Мальчик не успел толком испугаться, как вдруг по стене с громopodobным треском прыснули трещины, и часть здания внезапно начала рушиться, распадаясь на угловатые глыбы.

Он едва успел отпрянуть за одну из машин, в следующий миг угол генераторной развалился, внутрь помещения проник унылый свет дождливого дня.

Обломки бетона шипели, плевались паром, окружающее тонуло в белесом мареве, вдоль пола расплзалась едкая пыль, подле пролома она смешивалась с дождем, превращаясь в серую грязь.

– Ральф! – отчаянно закричал Илья, заметив инсектов, бегущих к полуразрушенному зданию. – Ральф, помоги!

Ему ответила зловещая тишина.

Всклипнув, Илья схватился за оружие. Уходя, Дуглас пояснил ему, как нужно обращаться с «Гюрзой». Сжав импульсный пистолет двумя руками, мальчик нацелился в пролом.

Руки дрожали. Страх вернулся мгновенно, от внезапности и необратимости происходящего сознание «поплыло», он находился на грани обморока, когда в помещение ворвался первый инсект.

Вид чуждого существа заставил Илью рефлекторно сжать сенсор огня.

Тварь разорвало пополам длинной очередью, влажные ошметья хитина ударили по стенам, испятнав бетон темными брызгами, но в пролом уже ворвались пять боевых особей, уцелевших после разгрома колонны. Они оказались поблизости и получили приказ – уничтожить человека.

Илью спасли боевые характеристики импульсного оружия. Стозарядные магазины, расположенные в пистолетной рукояти, менялись автоматически, позволяя вести непрерывный огонь, к тому же «Гюрза» практически не имела отдачи, а разлет пуль являлся следствием дрожи в руках перепуганного насмерть мальчишки.

– Ральф, помоги! – орал он, продолжая стрелять.

Инсектов, необдуманно сунувшихся в пролом, буквально изрешетило. Илья отчетливо видел, как их отшвыривает прочь, рвет на куски, но пальцы свело судорогой, он не мог остановиться, продолжая стрелять, и это во второй раз спасло ему жизнь. Внезапно из пелены дождя вырвалось нечто похожее на огромное летающее насекомое, тварь спикировала в пролом, но разрядить лазерные установки не успела, непрерывная очередь хлестала, словно бесноватый, беспощадный бич, шариковые пули с визгом рикошетили от стен, лишь чудом не задевая Илью.

«Стрекоза» врезалась в землю и внезапно взорвалась, мгновенно превратившись в огненный шар.

Обжигающий удар взрывной волны сбил мальчика с ног. Он упал, выронил оружие и ужасом понял: теперь уже ничто не спасет его от чужих...

Дуглас не сумел вовремя заметить летающих тварей, но бой в районе генераторной он различил вполне отчетливо.

Инсекты к этому моменту уже нарвались на минные поля. Они гибли в пламени взрывов, но продолжали атаку, действуя с упорством обреченных, прокладывая дорогу идущим следом.

Разряды тяжелых инфракрасных лазеров мгновенно привлекли внимание Ральфа.

Илья!

Низко пригибаясь, он пробежал вдоль руин, сокращая дистанцию до здания генераторной, пока сканеры имплантов не засекли источник проблем: пять чужеродных летательных аппаратов кружили над дорогой, полосая бетонные стены лазерными разрядами.

Еще мгновение, и угол здания обрушился.

Не обращая внимания на слабеющий с расстоянием фланговый огонь инсектов, Ральф рванулся туда, на ходу перезаряжая ОРК.

В штатный боекомплект входили три зенитные ракеты, и он ударил ими по верху крыши здания.

Усилившийся дождь вновь превратился в ливень, пелена непогоды ограничивала восприятие, мутная, кипящая от взрывов хмарь поглощала пространство, датчики БСК не зафиксировали попаданий, система анализа целей не опознавала противника.

На дистанции в пятьдесят метров он вновь сумел различить контур генераторной. Угол здания обвалился, подле пролома, среди нагромождения бетонных глыб, сканеры выделили фрагменты неопознанных бионических конструкций.

Ральф перешел на размашистый шаг. Плечевое оружие тонко повизгивало сервомоторами в режиме автоматического поиска целей, но после внезапного, короткого и яростного всплеска энергий вокруг воцарилось зловещее спокойствие, лишь сзади и правее датчики фиксировали серии разрывов – это основные силы инсектов все еще преодолевали минные поля.

– Илья? – Дуглас напряженно сканировал подступы к зданию. Фрагменты хитина валялись повсюду, но определить по ним эффективность зенитного огня невозможно. Летательные аппараты, минуту назад кружившие над постройками фермы, не идентифицировались по базам данных.

– Дядя Ральф! – Слабый голос мальчика ответил ему.

– Где ты?

– Я тут, внутри!

– Цел?

Ответом послужил сдавленный всхлип.

– Илья, отвечай! В тебя попали?

– Нет... Очень сильно испугался...

На фоне толстых стен появился размытый контур. Илья прятался за одним из генераторов.

– Не шевелись. Замри. – Дуглас понимал: ему нельзя входить внутрь. Инсекты только и ждут, чтобы захлопнуть ловушку. Не факт, что все пять летательных аппаратов сбиты.

– Ты где, дядя Ральф?

– Рядом. Не волнуйся. Больше никуда не уйду. – Первоначальный план рухнул, и Дуглас сейчас искал позицию, с которой мог бы сдерживать инсектов. Отдаленные взрывы прекратились – это означало, что боевые особи сумели преодолеть минные поля и вскоре их сонмище начнет атаку с фланга.

– Илья, затаись. Сиди тихо. Ты молодец, справился. – Ральф заметил тела инсектов. – Оружие при тебе?

– Потерял, – дрогнувшим голосом признался мальчик. – И фонарь разбился.

– Не страшно. Все позади, теперь успокойся, и... – Дуглас не успел завершить фразу, внезапно из пелены дождя вырвались два истребителя инсектов, они буквально стлались вдоль земли на предельно малой высоте, постоянно маневрируя, повторяя контур рельефа.

Ральф рывком ушел от здания, четыре разряда инфракрасных лазеров ударили вслед, испарывая груды бетонных обломков, мгновенно раскаляя их. В воздух взметнулись облака пара, многотонные глыбы с оглушительным треском разрывало на мелкие фрагменты, один из разрядов все же настиг Дугласа, и он почувствовал нестерпимую, обжигающую боль.

Сервоусилители бронескафандра издали скрежет. По инерции Ральфа развернуло, плечевое орудие успело огрызнуться двумя короткими прицельными очередями, и, уже падая, он увидел, как столкнулись в воздухе охваченные пламенем истребители насекомых.

Сдвоенный взрыв ударил над головой, тугой шар огня на долю секунд озарил окрестности, затем вдруг наступила оглушающая тишина, лишь падали, оставляя дымные шлейфы, фрагменты уничтоженных машин.

Сознание на миг померкло, затем вернулось.

С треском отскочили расплавившиеся бронепластины, на внутреннем ободе забрала боевого шлема зажглись тревожные искры индикаторов. Система поддержания жизни привела Дугласа в чувство, притупила боль, автоматика бронескафандра скрежетала поврежденными приводами, выпуская резерв, сбрасывая потерявшие функциональность элементы.

– Дядя Ральф, ты жив?

– Я в порядке... – прохрипел Дуглас, с трудом привстав на одно колено.

Инсекты, прорвавшиеся через минные поля, приближались. Они понесли тяжелые потери и теперь действовали осторожно. Мелкими группами, перебегая от укрытия к укрытию, боевые особи Дикой Семьи занимали позиции среди руин ремонтно-технической станции, готовясь начать штурм полуразрушенной фермы.

Ральф, приволакивая правую ногу, пересек внутренний двор, вышел к зданию, где недавно прятался Илья.

Он сознательно выдвинулся навстречу инсектам, вновь привлек их внимание, не позволяя совершить полное окружение, заставляя действовать, сосредоточиться на активной цели.

Нога и грудь пульсировали болью. Перед глазами плавала багряная муть, и он полностью переключился на мысленное восприятие. Датчики имплантов прорисовывали в рассудке более или менее четкую панораму окрестностей.

По внутренним ощущениям времени ему оставалось продержаться еще минут десять.

Инсекты поднялись в атаку. Их призрачные контуры возникали на сером фоне руин, постоянно прибывая в числе.

«Сотни тварей... И минуты не продержусь...»

Ральф скрипнул зубами. Несколько групп противника вели подавляющий огонь, остальные неумолимо приближались.

Как назло, ни одного серва в радиусе действия имплантов. Единственные доступные для манипуляций кибернетические системы – это комплекс связи, установленный в здании, да собственный бронескафандр.

Решение созрело мгновенно. Инсекты, не встречая сопротивления, потеряли цель и, заподозрив ловушку, выслали вперед нескольких разведчиков.

Дуглас отдал мысленную команду, и бронепластины боевого скафандра пришли в движение.

Он с трудом выбрался из тяжелой экипировки, забрал «ИМ-200» и пару гранат. Боль нахлынула с новой силой. Лишившись поддержки систем жизнеобеспечения, Ральф балансировал на грани потери сознания.

Собрав остаток сил, он сменил позицию, укрывшись за выгоревшим остовом почвоукладчика.

Передовая группа насекомых уже находилась в десятке метров от поврежденного бронескафандра, когда тот вдруг «ожил». Резко взвыли сервомоторы, плечевое орудие, не израсхо-

довавшее и трети боекомплекта, открыло беглый огонь, кибернетическая система форсировала работу приводов и приступила к исполнению автономных боевых программ.

Инсекты не ожидали атаки. Общественный разум, управляющий действиями боевых особей, на несколько мгновений потерял контроль над ситуацией, и цель ускользнула: бронированная оболочка, следуя мысленным указаниям Ральфа, стремительно пересекла внутренний двор и скрылась внутри здания.

Минута.

Дуглас отдал последнюю мысленную команду, позволив кибернетической системе скафандра войти в автономный боевой режим.

Инсекты открыли запоздалый ответный огонь, на их позициях обозначилось движение, и тут же по обнаруженным целям из окна здания ударило автоматическое орудие.

Бой взъярился с новой силой.

Ральф тяжело привалился к броне сгоревшего почвоукладчика. Он с трудом двигался, но продержаться оставалось совсем немного.

Инсекты прекратили бессмысленный обстрел здания, стены которого выдерживали разряды ручных лазеров и хлесткие очереди из трофейных «АРГ-8». Боевые особи ринулись в атаку, стремясь обойти постройку, оказаться в мертвой для автоматического орудия зоне и ворваться внутрь через окна, расположенные с другой стороны.

Пять минут...

Группа чужих появилась в нескольких метрах от позиции Дугласа.

Собрав остаток сил, он одну за другой метнул две гранаты.

Сознание угасало. Боль затопила рассудок, восприятие событий притупилось, стало разорванным, рыхлым.

Он смутно помнил, как привстал, длинными неприцельными очередями отсекая инсектов, пытавшихся обойти здание.

Несколько лазерных лучей полоснуло в ответ. Ральф ощутил новую вспышку боли, вырвал оружие и бессильно сполз на землю.

Глава 2

3871 год Галактического календаря. Планета Элио.

Тихий, безветренный летний вечер нес долгожданную прохладу после знойного дня.

Закат подкрасил редкие облака теплым оранжевым светом. Над маслянистыми водами залива Эйкон между кронами растущих на мелководье Раворов уже струилась, перетекая от дерева к дереву, нежная опалесцирующая аура.

Над гладью залива, повторяя подковообразный изгиб береговой линии, царили много-ярусные кварталы мегаполиса. Современный город рвался к перистым облакам, пронзал их шпилями жилых комплексов, мерцал куполами суспензорных полей, под защитой которых на разных высотах городских уровней простирались заповедные природные зоны, представляющие фрагменты биосфер колонизированных человечеством миров.

Раворград по праву считался уникальным городом. Полтора тысячелетия истории освоения космоса отражались в архитектуре столицы Конфедерации Солнц, как в зеркале. На берегу залива Эйкон, неподалеку от места исторической посадки колониального транспорта «Кривич», протянулась серая невзрачная наклонная стена Цоколя – первичного автоматизированного убежища, возведенного сервами. Наиболее древние кварталы городской застройки сохранили уникальные архитектурные стили разных эпох становления и развития колонии.

Все это сберегли, интегрировали в современный облик мегагорода.

Жизнь тут не замирала ни на минуту, двадцать семь часов в сутки, четыреста двенадцать дней в году Раворград – сердце современной цивилизации, сосредоточие власти, политический и культурный центр Обитаемой Галактики – жил ритмом событий, происходящих в различных мирах.

Над океаном сгущалась тьма, сияние Раворов постепенно обрело форму алых факелов, пологие маслянистые волны искрились отраженным светом, и город с тысячелетней историей выглядел вечным, незыблемым – миллиарды огней затмевали холодный свет звезд, стирая ощущение бесконечности Вселенной. . .

В сотне километров от Раворграда, на широком мысу, о который с глухим шумом разбивался прибой, располагалась летняя резиденция главы Конфедерации Солнц.

Ни одно здание здесь не поднималось выше крон вековых деревьев. Незримые защитные поля куполом накрывали комплекс сооружений, под которым располагалась выстроенная еще в период Галактической войны бункерная зона.

Млечный Путь по диагонали пересекал небосвод. Вдали от городских огней звезды сияли ярко, мрак неба казался бездонным, словно Вселенная пристально взираала на людей, молчаливо напоминая о вечности мироздания и бренности всего остального.

На одной из многочисленных террас, откуда открывался великолепный вид на океан, в этот поздний час работали устройства голографического воспроизведения.

Александр Юнг, недавно избранный президент Конфедерации Солнц, заметно нервничал, прохаживаясь среди разноликих информационных пространств.

Бездна космоса, черная нить Рукава Пустоты, режущий взгляд сгусток звездного огня, сотканный из миллионов отдельных искр, черный город инсектов, голографическая модель Сферы Дайсона – так среди людей было принято называть древний искусственный мир, построенный миллионы лет назад Единой Семьей цивилизации разумных насекомых, – все это характеризовало одну и ту же проблему, иллюстрировало ее с различных ракурсов восприятия.

Президент пребывал в скверном расположении духа. Позволив эмоциям возобладать над здравым смыслом, он оказался в уязвимом положении, понимал это, но все равно не мог обуздать противоречивые чувства.

Вообще-то, Александр Юнг считался успешным политиком. Двадцать лет назад он с отличием закончил Элианский институт межпланетных отношений, работал в дипломатическом корпусе Конфедерации, затем стал самым молодым сенатором в истории Совета Безопасности Миров, представляя интересы родной планеты – Кьюига.

И вот он на вершине политического олимпа.

Все казалось достаточно простым, знакомым, понятным вплоть до вчерашнего утра, пока на его личный терминал не поступил доклад из управления внешней разведки Флота.

Президент неприязненно взглянул на окружающие его объемные изображения. «Нет, военные, как всегда, преувеличивают, – подумал он. – Они ведут свою игру, нужно выслушать их, понять, что за тайный замысел вынашивают адмиралы Флота».

В глубине выходящего на террасу тоннеля послышался отчетливый звук шагов.

– Сюда, господа, – раздался голос начальника охраны. – Президент ждет вас.

Юнг резко обернулся, затем усилием воли взял себя в руки, выражение его лица изменилось, вместо тревоги в облике президента теперь читалось натянутое спокойствие.

Первым в круг света вошел адмирал Мищенко, за ним появился адмирал Кречетов, следом границу света и тьмы пересекли генералы Дягилев и Штейнер.

– Рад видеть вас, господа. – Александр Юнг повел себя сдержанно, с подобающим (как ему казалось) достоинством, хотя, обмениваясь рукопожатиями с Мищенко и Кречетовым, он испытал недопустимую для президента оторопь. Оба адмирала – личности легендарные, не менее известные, чем Шейла Норман, Илья Горкалов или Николай Сокура.

Начальник мнемонического отдела Флота генерал Доминик Штейнер и глава управления внешней разведки Юрий Дягилев не вызывали у Юнга столь резких, неоднозначных эмоций. Оба офицера хоть и занимали ключевые руководящие посты, но держались в тени, избегали публичности, а это невольно умаляло их статус в глазах общественности.

Александр Юнг по инерции мыслил стереотипами межпланетного политика. Он оценивал «фигуры», мысленно соизмерял их «политический вес», не понимая, что кулуарная борьба за власть чужда этим людям, чьи характеры выковывались на сломе эпох, в постоянном соприкосновении с иными космическими расами.

– Прошу, господа. – Он указал на ряд кресел. – Я вызвал вас в связи с докладом, поступившим из управления внешней разведки. – Президент прошелся между голографическими экранами. – Буду откровенен: мне непонятен его удручающий лейтмотив! – Он исподлобья взглянул на Дягилева. – Почему практически на каждой странице встречается термин «война»?!

Ни резкий тон президента, ни его попытка с хода взять инициативу не возымели желаемого эффекта.

Генерал Дягилев прекрасно слышал вопрос, но промолчал, лишь недоуменно пожал плечами.

– Юрий Сергеевич, я к вам обращаюсь!

Дягилев встал.

– Доклад составлен на основе данных, собранных в течение всего периода активной разведки звездного скопления О'Хара, – ответил генерал. – Десятилетия ежедневного риска, жизни офицеров Флота, отданные при разведке гиперсферных трасс, опыт нелегких контактов с представителями иного разума – вот что легло в основу документа, под которым стоит моя электронная подпись! – В голосе Дягилева прорвалось глухое раздражение. – Термин «война» не трактуется двояко, господин президент. Я считал, что нас вызвали для обсуждения экстренных мер, связанных с обеспечением безопасности населенных миров Обитаемой Галактики!

На щеках Александра Юнга проступили пятна нездорового румянца. Он задержал дыхание, не в силах побороть гнев, – дерзость Дягилева заслуживала немедленной реакции, но обозначить свою позицию президент не успел – в ситуацию вмешался адмирал Мищенко.

– Конфедерация действительно стоит на краю пропасти, – сухо произнес Дмитрий Сергеевич. – Меры необходимо принимать немедленно, даже если они будут носить крайний, резкий и непопулярный характер. Еще один необдуманный, бесконтрольный экспансивный шаг, и будет поздно. Для всех.

Сказал это тихо, без напряжения и злости, но для Александра Юнга каждое слово адмирала Мищенко несло особый смысл. Как искушенный политик, он умел читать подтекст, мгновенно подстраиваться под стереотип психологии оппонента и сейчас вдруг ясно представил, как эскадры Флота Конфедерации покидают системы базирования, как стягивается в кулак невероятная мощь, как крейсера, несущие на борту аннигиляционные установки «Свет», в сопровождении фрегатов прикрытия, погружаются в гиперсферу, чтобы материализоваться за сотни световых лет от Элио, среди феерии звездного огня, и нанести серии беспощадных превентивных ударов по Диким Семьям цивилизации инсектов.

Сердце президента билось глухо и неровно. Кровь прилила к лицу, в ушах возник шум.

Проклятие... Он пытался взять себя в руки, но ничего не получалось. Иной уровень власти предполагал совершенную иную, непомерно высокую меру ответственности за каждое сказанное слово, каждый поступок, решение. «Вот она – мечта всей жизни, вершина политической карьеры», – неприязненно подумал Юнг, невольно вспоминая недавнюю эйфорию, когда дикое напряжение предвыборной гонки осталось позади и, казалось, можно спокойно вздохнуть, так нет, настал первый рабочий день на посту президента, и вдруг, словно удар кулаком в лицо, короткий доклад с грифом «Особо секретно».

Юнг недобро взглянул на высших офицеров Флота.

«Они-то заранее знали все. Понимали, что за «наследство» достанется мне, но молчали».

Нет, так не пойдет. Должен же существовать какой-то выход из ситуации? Бремя предполагаемых решений (пока что нарисованных лишь воображением президента) казалось ему невыносимым, невыносимым.

– Почему о проблеме мне доложили только теперь?! – Не выдержав, он все же вспылал, давая выход эмоциям.

Генерал Дягилев аккуратно поставил на стол бокал с тоником.

– Вы сами все прекрасно понимаете, господин президент. Существует род информации, которая доступна лишь узкому кругу лиц и не подлежит разглашению. Доклад был отправлен вам сразу после вашего вступления в должность. Хотя, – он не удержался, – потенциальную угрозу трудно не заметить.

– И что?! – Президент нервно прошелся по террасе, резко обернулся: – Вот таким ненавязчивым образом вы пытаетесь обвинить меня в некомпетентности?! Я, к сожалению, не всемогущ! Обратить время вспять, исправить ошибки прошлого не в моей власти! – отрывисто заявил он.

Адмирал Кречетов непроизвольно поморщился. Специфика десятого энергоуровня гиперсферы¹⁰, где базировался вверенный ему Флот, невольно подталкивала к сравнениям. Он лично знал всех предыдущих президентов обновленной Конфедерации, и поведение Александра Юнга показалось ему трусоватым, суевливым. Неужели, вступая в предвыборную борьбу, он думал, что масштаб задач, которые придется решать, ограничится привычными для него, узкими рамками человеческих миров?

¹⁰ Время в пространстве десятого энергоуровня гиперсферы течет в десятки раз медленнее относительно «реального космоса».

– Позвольте, о каких ошибках идет речь? – спокойно уточнил адмирал Мищенко. Нравился ему новый президент Конфедерации или нет, работать придется вместе. Нервозность Юнга несложно понять, вопрос в ином: сумеет ли он преодолеть внезапное шоковое состояние, прислушается ли к мнению людей, посвятивших проблеме взаимоотношений с иными космическими расами не один десяток лет? Или начнет пороть горячку, выплескивать эмоции, попытается оттянуть необходимые решения или вовсе самоустранится от их принятия?

– Не следовало отключать логрианские генераторы Вуали! – Президент поймал неодобрительный взгляд Кречетова и окончательно утратил самообладание. – Бездумно открыли шаровое скопление! – гневно выпалил он.

«Все. Ушел, что называется, в «глухую защиту», – неприязненно подумал Доминик Штейнер. Проще всего свалить вину на предшественников, не вспоминая о неожиданной атаке харамминов на систему Элио, о рухнувшей межзвездной сети Интерстар, о хаосе и панике, охвативших Обитаемую Галактику, когда отключились станции гиперсферных частот, перестали функционировать навигационные маркеры, и сотни человеческих миров оказались в полной изоляции друг от друга.¹¹

– Нет смысла обсуждать прошлое, – холодно отреагировал адмирал Мищенко. – Итоги Семидневной войны с харамминами давно принадлежат истории, а перед нами стоят вопросы современного мироустройства. К тому же снятие Вуали произошло бы в любом случае. Очередная волна Экспансии в начале прошлого века, как вы знаете, остановилась у границ Рукава Пустоты. – Он умышленно принялся излагать общеизвестные факты, предоставляя президенту немного времени, чтобы унять эмоции, вернуться на позицию здравого смысла. – Древние цивилизации, три миллиона лет назад укрывшиеся от нашествия предтеч за Вуалью искажения пространства, утратили не только былое величие и техническое могущество, – продолжил адмирал, словно находился не на совещании у президента, а читал лекцию. – За столь длительный период изоляции они забыли о безграничности Вселенной, пока наши, *человеческие* корабли не преодолели барьер логрианских устройств. Ситуация в ретроспективе читается ясно и определенно: первопроходцы из числа людей одним лишь фактом своего появления разрушили сложившийся в скоплении О’Хара миропорядок. Представители древних рас осознали, что угроза, исходившая от предтеч, давно минула, а Вуаль из защиты превратилась в узилище. Генераторы искривления метрики, скрывавшие шаровое скопление звезд, были бы отключены логрианами в любом случае, а действия харамминов лишь подтолкнули неизбежные события.

Спокойный тон адмирала Мищенко отрезвляюще воздействовал на президента. Юнг вернулся к своему креслу, тяжело сел.

– Извините, господа. – Он с трудом взял себя в руки. Самообладание высших офицеров ВКС просто бесило, но существовала поговорка: «Президенты приходят и уходят, а Флот остается». Нельзя ни на секунду забывать, кому принадлежит реальная власть в Обитаемой Галактике.

– И все же мне непонятно, почему мирный путь решения проблемы Диких Семей заранее отвергнут?! – подавив эмоции, глухо спросил Юнг.

На миг воцарилась тяжелая, гнетущая тишина. Диалог явно не складывался, участники созданного президентом совещания не понимали позиций друг друга.

– Худшее и наиболее стойкое из человеческих заблуждений – это миф о «братьях по разуму», – произнес адмирал Кречетов. Волею судьбы и по долгу службы ему чаще других приходилось контактировать с представителями иных космических рас, и Андрей Николаевич прекрасно представлял, о чем говорит. – Вселенная живет по законам, не имеющим ничего общего с нашими, чисто человеческими, а потому субъективными понятиями «добра» и «зла»,

¹¹ Подробнее о событиях Семидневной войны в романах «Борт-618», «Жизненное пространство».

«агрессивности» и «миролюбия». У каждой цивилизации существуют собственные приемы выживания, например логриане, которых все считают пацифистами, запросто «подминают» иные расы, щедро одаривая технологиями, в которых по-настоящему способны разобраться только они. Чем обеспечивают для себя вполне комфортный статус, *позволяющий* слыть пацифистами.

– Оставьте логриан в покое! Речь, по-моему, идет о Диких Семьях насекомых! – Александр Юнг как будто не услышал Кречетова. – Да, между нами существует недопонимание, происходят локальные стычки, но я не вижу почвы для глобального конфликта цивилизаций! Я хочу знать: кто и на каких основаниях категорически отверг путь мирного сосуществования людей и насекомых?!

– Мирный путь развития отношений между нашими цивилизациями не отвергнут, но поставлен под серьезное сомнение, – ответил ему адмирал Мищенко. – Взгляните сюда. – Он указал на голографическое изображение черного города, окруженного какими-то разрушенными постройками.

– Я в курсе, – вновь резко отреагировал президент. – Инсекты основали поселение на планете, где существовала потерянная колония эпохи Великого Исхода. Но факт геноцида не доказан! Не найдено человеческих останков, зато комиссия Совета Безопасности зафиксировала обломки трех уничтоженных космических кораблей, принадлежавших Семье. Более того, в отчете говорится о ста пятидесяти двух насекомых, найденных мертвыми! И все это натворил боевой мнемоник, офицер, призванный сохранять мир! Кстати, я собирался спросить, какое наказание он понес?

– Приказом по Флоту майору Ральфу Дугласу присвоено внеочередное воинское звание, – ответил адмирал Мищенко. – Сейчас он находится в госпитале. За спасение последнего выжившего колониста, десятилетнего мальчика Ильи Тернова, оказавшегося мнемоником второго поколения, а также за решительные, умелые действия полковник Дуглас представлен к высшей награде Конфедерации.

Юнг попросту онемел.

– Отлично! – уже не пытаясь обуздать эмоции, яростно выдохнул он. – У меня нет слов! Умелые действия?! Он нарушил все известные инструкции, поставил под сомнение многолетние усилия дипломатического корпуса!

– Он спас ребенка, изолировал Дикую Семью, показал насекомым, что ни один случай агрессии с их стороны не останется безнаказанным! – Мищенко на миг утратил хладнокровие, мысленным приказом через устройство импланта изменил изображение. – Факт геноцида доказан! – В сфере голографического воспроизведения появились кварталы мегаполиса, над которыми царили корабли насекомых, ведущие шквальный огонь по зданиям, откуда в панике выбегали люди.

– Откуда взялась эта запись?! – опешил Юнг, которому предоставили совершенно иную информацию.

– Найти истину не составило труда, господин президент. Совет Безопасности, в его сегодняшнем составе, всеми силами пытается сохранить мир, сгладить остроту назревшего конфликта, но метод замалчивания проблем играет на руку Диким Семьям, позволяет им чувствовать себя безнаказанными! Состав комиссии, ее выводы – это тема для серьезного расследования. Что касается оккупации Эдема, то нами проведена скрупулезная работа по восстановлению истинной цепи событий. Выводы отражены в докладе разведывательного управления. На планете существовала развитая колония. Машины, обслуживающие город, вели автоматическую запись вторжения. А теперь взгляните сюда. – Мищенко вновь сменил изображение. – Это обломки крейсера насекомых, обнаруженные на орбите Эдема. Наши специалисты внимательно изучили их. Корабль был оснащен мобильным гиперприводом, что, собственно, и позволило Дикой Семье выйти за границы скопления О’Хара. Они уничтожили население

колонии, использовали ресурсы и автоматику Цоколя для создания нужного им микроклимата. При этом коллективный разум путем телепатического воздействия поработил часть выживших людей, обладающих достаточными знаниями, чтобы изменить схему охлаждения реактора и перепрограммировать сервов, заставить их продолжать техническое обслуживание гибридного сооружения!

Юнг, конечно, умел держать информационные удары, но сейчас побледнел, нахмурился, а адмирал Мищенко не собирался упускать инициативу.

– У нас нет права на иллюзии либо заблуждения! – резко заявил он. – За весь активный период разведки шарового скопления О’Хара открыто двадцать четыре тысячи поселений насекомых в зоне малой и средней звездной плотности! Вдумайтесь в цифры, господин президент! Перед нами – натуральное *сонмище*, дикое, необузданное, живущее по своим законам! Вы обязаны реально воспринимать существующее положение дел! – Дмитрий Сергеевич сознательно нагнетал обстановку, не давая Александру Юнгу возможности возразить. – Что представляют собой современные Семьи? После панического бегства из Сферы они пережили рабство под пятой харамминов, отвоевали независимость, продолжили строительство сети гипертоннелей, освоили все пригодные для их метаболизма миры, расположенные в границах скопления. Но их развитие давно остановилось, и главная причина затяжного регресса распавшейся цивилизации – отсутствие новых жизненных пространств! Теперь, когда Вуаль логрианских устройств давно отключена, а Флотом Конфедерации уничтожены основные силы механоформ, ничто не мешает Диким Семьям возобновить экспансию! Вопрос в том, куда она будет направлена, какие методы использует общественный разум для достижения своих целей? Хочу заметить: логриане, издревле сосуществующие с насекомыми, традиционно считающиеся их союзниками, были вынуждены разработать и повсеместно внедрить устройства мнемонических блокираторов, чтобы защитить себя от телепатических атак. Боюсь, что события на Эдеме – не исключение из правил, не агрессивная выходка отдельной взятой Семьи, – они отражают тенденцию, образ мышления, характеризуют отношение Диких Семей к иным космическим расам!

Александр Юнг нервно сглотнул.

– Дипломатический корпус Конфедерации прилагает все усилия, чтобы наладить контакт с наиболее развитыми планетными цивилизациями разумных насекомых! – Аргумент президента прозвучал слишком слабо на фоне озвученных адмиралом проблем.

– Успехи нашей дипломатии минимальны, – сухо парировал Дмитрий Сергеевич. – Причина известна, и скрыта она в психологии общественного разума. За последние годы мы существенно продвинулись в изучении данного вопроса. У насекомых отсутствует понятие «индивид». Отдельная особь не рассматривается ими как «существо», не является личностью и не имеет какой-либо ценности. Разумные насекомые – это лишь созданное по необходимости воплощение общего ментального поля Семьи, заключенное в брентную, ничтожную, легкозаменимую биологическую оболочку. «Мыслящие» появляются, погибают, создаются вновь, их число варьируется в зависимости от условий внешней среды и необходимости текущего момента. Вечен, в понятии насекомых, лишь коллективный разум. Он и есть личность.

Юнг снова сглотнул, взял бокал, залпом осушил его.

Не являясь глупцом, он отчетливо воспринял каждую фразу адмирала, но мгновенно осмыслить «реальное положение дел» оказалось непросто.

– Хорошо. Допустим. Одна Семья – один рассудок, – кивнув, согласился президент. – Но насекомые, вошедшие в состав Конфедерации, на мой взгляд, вполне коммуникабельны! Я лично контактировал с представителями нескольких Семей на заседаниях Совета Безопасности Миров и способен составить на их счет собственное мнение!

Доминик Штейнер невесело усмехнулся.

– Инсекты, вошедшие в состав Конфедерации, в свое время не сумели вырваться из рабства, и понятие «индивид» было привито им харамминами с позиции грубой и беспощадной силы, – пояснил генерал. – Они своего рода психологические мутанты, приспособившиеся к конкретным условиям выживания.

– Хороши же у вас представления о дружественных цивилизациях! – не выдержав, возмутился президент. – Логриане, поделившиеся технологией бессмертия личности, – опасные интриганы, инсекты, проявляющие адекватность в общении, – ничтожества... – Александр Юнг вновь принялся расхаживать по террасе. – Почему вы считаете, что Дикие Семьи пойдут путем открытой агрессии? Пусть возвращаются в свой искусственный мир, восстанавливают его! Думаю, вы попусту нагнетаете истерию! – Президент обернулся, сурово взглянул на адмиралов. – Да, колонии, основанные в границах скопления О'Хара, подвергались нападению со стороны Диких Семей, это прискорбно, как и жертвы среди личного состава Флота при обеспечении картографии скопления, но в девяноста девяти случаях из ста конфликты происходили на территориях, подконтрольных общественному разуму!

– Именно поэтому в начале совещания я сказал: еще один необдуманый, экспансивный шаг с нашей стороны способен сорвать лавину непоправимых событий! – в тон ему ответил адмирал Мищенко. – Существует ряд устоявшихся заблуждений, когда мнение о дружелюбном поведении нескольких «цивилизованных» Семей автоматически распространяется на все планетные сообщества инсектов в границах О'Хара! Немалое число торговцев поплатились жизнью за подобные иллюзии! Инсекты – агрессивная раса. Их планетные цивилизации ведут постоянную ожесточенную борьбу за жизненное пространство. Наивно полагать, что, ограничившись полумерами, мы удержим ситуацию под контролем! Пресечь безрассудные действия корпораций Окраины, пытающихся разрабатывать и колонизировать звездные системы в границах О'Хара, – это лишь ничтожная часть необходимых решений! Я не сторонник какого-либо «занавеса» – наше присутствие в скоплении неизбежно, оно продиктовано экономическими и геополитическими интересами, но любое экспансивное действие должно носить обоснованный характер, согласовываться на уровне Совета Безопасности Миров – только так мы сумеем продвигаться вперед, избегая нежелательных конфликтов!

– То есть если мы перестанем тревожить Дикие Семьи, бездумно вторгаться в сферу их жизненных интересов, то проблема будет урегулирована? – Юнг невольно взглянул на одно из голографических изображений. Каким далеким, безобидным казалось скопление О'Хара!

Адмирал Мищенко перехватил его взгляд.

– Нет, – ответил он.

– Почему? – Александр Юнг не понимал логики адмирала.

– Мы слишком дорого заплатили за иллюзорный взгляд на раздробленные и деградировавшие Семьи. Нужно понимать, что любой процесс имеет две стороны. Мы смотрим на скопление О'Хара как на объект колонизации, источник ресурсов, но наши технологии позволяют осваивать миры, совершенно непригодные для инсектов. То есть, действуя разумно, исключая спонтанные выходы, придерживаясь тщательно разработанных планов, мы действительно не пересекаемся с инсектами, но давайте попробуем взглянуть на ситуацию с точки зрения Диких Семей!

Юнг пожал плечами. До последнего времени он занимался исключительно межпланетной политикой, оперировал иными масштабами проблем и при всем желании не мог мыслить в унисон с адмиралами Флота.

– Еще раз взгляните сюда, господин президент! – Дмитрий Сергеевич проявил максимум терпения и сдержанности. Он помнил, как четверть века назад ему доверили возглавить одну из первых баз ВКС Конфедерации в скоплении О'Хара. Неожиданные столкновения с Дикими Семьями, факты оккупации человеческих колоний, основанных в скоплении еще в

период Великого Исхода, глубочайшая семантическая пропасть между людьми и инсектами – все это обрушилось на него, стирая в пыль существующие иллюзии и заблуждения.¹²

– Я внимательно изучил гибридную конструкцию, возведенную инсектами на Эдеме. – Юнг устало помассировал виски. – Высказывайтесь точнее, господин адмирал.

– Если не принять комплекс мер, то подобные инциденты будут повторяться с удручающей регулярностью, – ответил Мищенко. – Я хорошо знаю инсектов. Для их метаболизма подходят лишь те климатические зоны, где среднегодовая температура превышает тридцать градусов по шкале Цельсия. Если взглянуть на ситуацию глазами общественного разума, мы увидим тупик. В обозримом для инсектов космосе нет свободных планет с подходящими условиями, но каждый преобразованный нами мир, где уже создана техносфера и изобилуют источники тепла, к примеру реакторы, питающие энергией города и промышленные комплексы, будет рассматриваться ими как объект колонизации! Современная психология общественного разума Диких Семей не содержит моральных ограничений, для них агрессивная экспансия – это естественный процесс, а сотни миров Обитаемой Галактики – новое жизненное пространство, дающее возможность развития и размножения!

– Прошло более полувека после снятия Вуали! – попытался парировать Юнг. – Но упомянутое вами «сонмище», – его невольно передернуло, – не предприняло попыток завоевания!

– Да, и тому есть объективная причина. Единственный сдерживающий фактор, существующий на сегодняшний день, – это отсутствие у общественного разума технологии мобильного гиперпривода. Однако за последние годы мы все чаще сталкиваемся с кораблями гибридного типа. Выращенные по технологии инсектов, они оснащены нашим вооружением и двигателями. В данный момент ситуация без преувеличения балансирует на грани. В распоряжение некоторых Диких Семей еще до снятия Вуали попали образцы техники времен Галактической войны¹³. Общественный разум сумел адаптировать некоторые из этих устройств. Процесс был долгим и трудным, участие в нем принимали логриане, поработанные телепатическим воздействием «мыслящих». Сейчас упомянутые Семьи, пользуясь полученным техническим превосходством, ведут успешную, но крайне агрессивную политику в отношении соседей, действуя исключительно с позиций грубой силы! Если мы не остановим процесс, последствия не заставят себя ждать. Вкусив успешных завоеваний, Дикие Семьи рано или поздно начнут вторжение в границы Обитаемой Галактики!

– Я не понимаю! – продолжал упорствовать президент. – Мы говорим о великой древней цивилизации, построившей уникальный искусственный мир, а вы преподносите инсектов как каких-то варваров! – Юнг не желал принимать точку зрения высших офицеров Флота.

– К сожалению, именно так обстоят дела в современности, – произнес Доминик Штейнер. – Великая цивилизация разумных насекомых канула в Лету. Единая Семья распалась, возникли десятки тысяч независимых планетных поселений, деградировавших, сохранивших лишь ничтожную часть древних знаний. За годы исследований нам удалось понять главное – инсекты крайне экспансивны. Количество особей прямо влияет на потенциал коллективного разума. Чем многочисленнее Семья, тем мощнее ее ментальное поле, тем больше знаний оно хранит, тем большим творческим и научным потенциалом обладает, то есть развитие инсектов связано с постоянной экспансией, освоением новых жизненных пространств, увеличением численности популяции – без этого неперемного условия их прогресс замедляется, а затем останавливается вовсе. Учитывая то, что древний искусственный мир лежит в руинах, а инсекты безвозвратно утратили технологии, по которым когда-то была создана Сфера, то ближайшая перспектива выглядит довольно мрачно. Участвовавшие инциденты на границе Рукава Пустоты

¹² Подробнее о событиях в романе «Форпост».

¹³ Корабли эпохи Великого Исхода и периода Галактических войн попадали в скопление О'Хара в результате «слепых рывков».

и особенно недавние события, – Штейнер выразительно указал на изображение гибридной постройки, – ярко иллюстрируют образ мышления деградировавших Семей. Они пойдут путем агрессивной колонизации, стоит только дать им шанс!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.